ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ПРИМОРСКИЙ ФИЛИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Уссурийский государственный педагогический институт.

А Р С Е Н Ь Е В С К И Е
Ч Т Е Н И Я

Тезисы докладов региональной конференции по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения

17-19 октября 1985 г.

Уссурийск, 1985.

kraeved.info

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ПРИМОРСКИЙ ФИЛИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
УССУРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тезисы докладов региональной конференции по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения

17-19 октября 1985 г.

г.Уссурийск 1985 г.

Редакционная коллегия:

к.г.н.,доцент Тарасов В.И. – ответственный редактор;

д.г.м.н., профессор Краснов Е.В.; к.и.н. Ижко Ю.А.;

к.и.н. Кузнецов А.М.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом сборнике содержатся тезисы докладов очередной конференции, посвященной В.К.Арсеньеву. На конференцию вынесены проблемы истории, археологии, этнографии и краеведения Дальнего Востока и соседних регионов. К настоящему времени основные факты жизни и деятельности В.К.Арсеньева изучены достаточно полно. Широкую признательность получили географические исследования и литературный талант этого замечательного исследователя. Однако работы В.К.Арсеньева в области археологии, этнографии и его роль в развитии исторической науки не так хорошо известны. Значительная часть его исторического наследия осталась неопубликованной, а судьба главной работы "Страна Удэхе" остается невыясненной. Между тем В.К.Арсеньев накопил за время своих экспедиций обширный этнографический и археологический материал. Его работы содержат ценные сведения по истории Дальнего Востока. Достаточно отметить, что Владимир Клавдиевич открыл и обследовал более 120 археологических памятников. В своих работах он рассмотрел широкий круг вопросов по истории Дальнего Востока от палеолита до средневековья. Большое внимание В.К.Арсеньев уделял этногенезу народов Дальнего Востока. Учитывая широту научных интересов В.К.Арсеньева, оргкомитет конференции включил в ее программу доклады по различным аспектам исторической науки.

I.Проблемы истории и краеведения.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА В УССУРИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИСТИТУТЕ

БУТЕНИН Н.А.

Уссурийский государственный педагогический институт

Краеведческая работа занимает важное место в процессе подготовки учителя-историка, способствует не только выработке навыков научно-исследовательской деятельност , но и помогает более полно готовить будущего преподавателя как к учебной, так и внеклассной работе. Под руководством преподавателей кафедры истории студенты УГПИ в течение уже IO лет занимаются различными аспектами истории Приморья.

Первое направление связано с изучением городов и поселков края. Здесь можно выделить работы по истории гг. Уссурийска, Артема, Лесозаводска, п.Раздольное и др. Другое направление - это история фабрик и заводов Приморья, таких как Уссурийский сахарный завод, масложиркомбинат, фабрика "Работница", Хрусталь-нинский горнообогатительный комбинат и др.. Наряду с этим студенты активно работают над изучением героической борьбы за власть советов в Приморье, собирают материалы биографического характера об отдельных участниках революционных событий (А.С. Беликов, А.К.Топорков, А.К.Чумак) и, наконец, последнее время группа студентов проводит сбор материалов по истории народного образования в Приморье. Руководство этой работой студентов-историков осуществляют преподаватели кафедры: кандидаты наук: Ю.Г. Куцый, Ю.А.Ижко, Н.А.Бутенин.

Важное место в научно-исследовательской работе занимают сюжеты, связанные со становлением собственно краеведения в Приморье. Первоначально это было изучение биографии и деятельности В.К.Арсеньева, а впоследствии других первых исследователей Приморского края - Н.М.Пржвальского, Ф.Ф.Буссе, Янковского, А.Д. Старцева (руководитель - к.и.н. А.М.Кузнецов).

Сбор материалов студенты осуществляют в библиотеках, архивах, музеях края, подчас встречаются с живыми участниками тех или других событий. Эта работа начинается с первого курса, в период архивно-библиотечной практики и заканчивается уже на выпускном пятом курсе, где итогом пятилетнего научного поиска является

дипломная работа. Наиболее подготовленные для краеведческой работы студенты становятся участниками и лауреатами краевых и региональных смотров-конкурсов.

Рефераты студентов служат основой для лекционной работы, прежде всего среди школьников и учащихся ПТУ. Ежегодно студенты проводят не менее 50-ти лекций и бесед по краеведческой тематике. Немало студентов в ходе учебы на старших курсах (а иногда и после окончания института), пройдя обучение на курсах при городском бюро путешествий и экскурсий, помогают гостям Уссурийска более полно ознакомиться с историей, достопримечательностями города и края.

В настоящее время краеведческая работа охватывает более половины всего обучающегося контингента студентов (220 человек), ее итоги будут подведены в 1986 году - году 120-летия г.Уссурийска.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1917-1970 гг.)

ГОРКАВЕНКО Н.Л.

Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

I.В системе различных отраслей советской науки историческому краеведению принадлежит одно из важных мест. Оно помогает обнаруживать и вводить в научный оборот новый исторический материал, играет большую роль в деле выявления памятников истории и культуры и организации соответствующей их охраны, в воспитании советского патриотизма. По мере развития социалистического общества возрастает идейно-воспитательная роль советского исторического краеведения. Важнейшими каналами идейно-воспитательного воздействия исторического краеведения на широкие массы трудящихся являются краеведческие и исторические музеи, памятники истории. В настоящее время на территории Дальнего Востока действует более 20-ти государственных исторических и краеведческих музеев, работающих на общественных началах, число их достигает почти I тыс. Это свидетельство глубочайшего интереса на-

ных масс к истории своего края. Возрастает потребность в научном исследовании развития и становления советского исторического краеведения на Дальнем Востоке.

2.Исследуя проблему развития исторического краеведения на Дальнем Востоке, можно выделить два больших периода: дореволюционный (80-90 гг. XIX в.- 1917 г.) и советский (с 1917 г.). Краеведческая работа зародилась и развивалась в этом регионе вместе с открытием и освоением его русскими людьми. В различного рода донесениях, докладах и отчетах первопроходцев содержались сведения об историческом прошлом и настоящем края. Центрами краеведческой работы на Дальнем Востоке в дореволюционный период стали Общество изучения Амурского края во Владивостоке (1884 г.), Приамурский отдел РГО в г. Хабаровске (1894 г.), Южно-Уссурийское отделение РГО в г. Никольск-Уссурийском (1916г) Ими был накоплен определенный краеведческий опыт, собраны интересные коллекции, положено начало выявлению и изучению памятников истории и культуры. Однако, в условиях царской России историческое краеведение не приобрело массового характера.

3.Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому социалистическому краеведению. С 1917 г. в истории краеведения на Дальнем Востоке начался качественно отличный от дореволюционного - советский период. Главным стимулом развития советского исторического краеведения было стремление народа к активному возрождению края и исследованию его. Однако, начавшаяся на территории Дальнего Востока гражданская война и интервенция приостановили процесс складывания основ советского исторического краеведения.

4.Следует отметить, что за период с 1917 по 1970 гг. советское историческое краеведение на Дальнем Востоке прошло в своем историческом развитии три этапа: I-й этап - 1917-1937 гг.
2-й этап - 1938-1960 гг.
3-й этап - 1961-1970 гг.
Каждому из них присущи свои особенности и черты.

Роль советского исторического краеведения, как одного из средств коммунистического воспитания очевидна. Познание своего края, его истории, изучение памятников истории и культуры способствуют воспитанию молодежи Дальнего Востока на революционных, боевых и трудовых традициях.

БИБЛИОГРАФИЯ В.К.АРСЕНЬЕВА

ДАНЧЕНКОВ М.А.

Тихоокеанский океанологический институт ДВНЦ СССР

г.Владивосток

Имя знаменитого дальневосточного исследователя советским читателям известно, главным образом, как имя автора "Дерсу Узала" и "По Уссурийскому краю". Эти произведения принесли В.К.Арсеньеву заслуженную популярность при жизни и пользуются читательским спросом в настоящее время. Менее известны другие его произведения.

По состоянию на конец 1981 года в картотеке автора было отражено 158 публикаций В.К.Арсеньева, из которых большую часть составляют переиздания двух вышеупомянутых произведений. Около 50-ти рукописей опубликовано 1-2 раза. По крайней мере 5 крупных произведений считаются утерянными, а 5 опубликованных отсутствуют в библиотеках страны. Первое собрание сочинений остается единственным.

6 томов этого собрания были выпущены малым тиражом (10.000 экз.) 35 лет назад. Естественно, что к настоящему времени эти книги стали редкостью.

Отметим, что попытки издания собрания сочинений (и даже полного собрания сочинений)предпринимались неоднократно. Еще в 1930 году журнал "Всемирный следопыт" объявил об издании десятитомного собрания сочинений Арсеньева, первый том был отпечатан, но журнал был неожиданно закрыт. В 1975 году газета "Советский Сахалин" объявила о том, что предстоит издание в г. Южно-Сахалинске десятитомного полного собрания сочинений, первый том был сверстан, но... издания не последовало. На запрос автора редакция газеты ответила, что книг В.К.Арсеньева местное издательство выпускать не будет.

Как и у любого автора произведения Арсеньева неравноценны. Но имеющееся наследие настолько велико (несмотря на то, что житейские катаклизмы привели к утере и уничтожению ряда произведений и документов), что издание полного собрания сочинений является актуальной задачей.

Отметим наиболее значительные неопубликованные и малоизвест-

ные произведения писателя:

а) "Воспоминания" (хранились в семье Аристова);
б) "Завещание";
в) "Памятники старины в Уссурийском крае";
г) "Страна Удэхе";
д) "Теория и практика путешествий в Приамурском крае";
е) "Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края".

Творчеством В.К.Арсеньева занималось в разное время более 50 человек. В картотеке автора на конец 1981 года отражено 105 публикаций о нем, большинство из которых носит мемориально-юбилейный характер. К настоящему времени исследованиями творчества и жизни писателя занимаются три исследователя (Г.Г.Пермяков, А.И.Тарасова, Н.Е.Кабанов), представившие к опубликованию две монографии. Тем не менее широкой публике остается еще мало известными интересные материалы о деятельности Арсеньева.

Представляется, что издание малоизвестных произведений писателя в рамках собрания сочинений является делом чести дальневосточников.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕЩЕР В.К.АРСЕНЬЕВЫМ

Л.В.ДЁМИН

Приморский филиал Географического общества СССР

г.Владивосток

Неутомимый краевед во время своих путешествий по Дальнему Востоку уделял внимание и исследованию пещер. Он зарисовывал входы, составлял схематические планы с сечениями, отбирал образцы пород, фотографировал натечные образования и следы животных, изучал костные остатки, определял виды пещерных животных. В путевых дневниках 1906 г. им описаны пещеры близ пос.Кавалерово и пос.Дальнегорска. В дневнике за 1908-1909 гг. В.К.Арсеньев сообщает о пещере в г. Сенькина Шапка близ г. Партизанска (исследованиями автора установлено, что она разрушена), в которой находили разные "древности". Здесь же есть сведения о пещерах в скалистой сопке близ с.Андреевки.

Не все пещеры В.К.Арсеньев исследовал. В таких случаях он обычно указывает кто ему сообщил о пещере, приводит абрис по-

ходов и краткие опросные сведения. Так, о пещере близ дер.Дмитровки, в которой были обнаружены скелеты человека и собаки, ему сообщил мальчик. О пещере близ с.Столбового источник сведений не указан.

О пещерах близ с.Серафимовки, пос.Дальнегорска и р.Луговой В.К.Арсеньев писал неоднократно (I92I,I926,I952,I957). Он сообщил о пещере на г.Белой... "прямая, похожая на шахту, длина её около I00 м., высота от 2,4 м. до 3,6 м." (Арсеньев, I952,с.I52-I53). Здесь следует уточнить, что он во многих случаях говорит о глубинах пещер (по современным понятиям о длине) и шахтах в пещерах, как о горизонтальных ходах (об этом свидетельствуют, приводимые в дневниках планы пещер). Следовательно, при оценке размеров и морфологии карстовых полостей по работам В.К.Арсеньева необходим критический подход.

ПИСЬМА В.К.АРСЕНЬЕВА В АМУРСКИЙ МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ

К.Н.ЗИЛОВА

Хабаровский краеведческий музей

В областном архиве г.Благовещенска хранятся письма В.К.Арсеньева (фонд 4I, опись 2, 5 ед.хр.), адресованные им в Амурский музей краеведения.

Эти письма являются еще одним доказательством большой краеведческой и исследовательской работы В.К.Арсеньева на Дальнем Востоке. Анализируемые материалы, сведения о которых автору предоставил А.В.Лосев, в печати ранее не публиковались.

В первом письме от I6 октября I924 года Арсеньев сообщает, что он назначен директором Хабаровского музея, что ему поручено заведование Охотой на морского зверя, а также восстановление Приамурского Отдела Русского Географического общества.

В письме от I3 декабря I928 года Арсеньев просит сообщать в Академию Наук СССР сведения о работах музея за время I926-I928 годов.

В этом же письме Владимир Клавдиевич посылает копию письма Председателя Этнологической Секции Тихоокеанского Комитета Академии Наук СССР профессора В.Алексеева.

В этом документе содержится просьба к Арсеньеву принять звание сотрудника Этнологической Секции Тихоокеанского Комитета Академии Наук СССР и содействовать ее работам, направленным на подготовку IУ Всетихоокеанского съезда, который должен был состояться в I929 году в Батавии.

Особый интерес представляет письмо от I6 декабря I929 г., в котором В.К.Арсеньев обращается в музей за содействием в деле организации собирания материалов о пребывании А.П.Чехова на Амуре.

К письму приложено обращение Выставочного комитета о собирании материалов для юбилейной выставки, посвященной 50-летию литературной деятельности А.П.Чехова.

В письме указано так же, что членом Выставочного комитета на Дальнем Востоке выбран В.К.Арсеньев, что именно он уполномочен собирать материалы о пребывании Чехова в Сибири, Забайкалье и на Сахалине.

В.К.Арсеньев планировал использовать все местные культурные силы и лиц, проживающих и командируемых в исследовательские поездки, которые окажутся в местах пребывания А.П.Чехова, поручив им на местах просмотреть все архивные материалы с целью выборки всякого рода документов, бумаг, записок, предложений, предписаний и дел, связанных с проездом или пребыванием А.П.Чехова в Благовещенске, выявить тех старожилов, которые в свое время имели сношения с А.П.Чеховым, постараться их опросить и получить от них, если у них окажутся, фотографии, книги, автографы А.П.Чехова, другие вещи или подарки.

Следует подчеркнуть, что попытки узнать судьбу материалов о пребывании Чехова на Дальнем Востоке, которые собирал В.К. Арсеньев, до настоящего времени не увенчались успехом. Так, переписка с музеем А.П.Чехова в Москве, встречи с директором этого музея, вопроса не прояснили. Были ли собраны В.К.Арсеньевым материалы о А.П.Чехове на Дальнем Востоке, а если были, то где ныне находятся? На этот вопрос должны, очевидно, дать ответ изыскания специалистов, ведущих в различных районах страны активное изучение жизни и творчества этого выдающегося ученого и писателя.

УКРЕПЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РУКОВОДЯЩИМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ И ТЕХНИЧЕСКИМИ КАДРАМИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ СТРАНЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ИВАЩЕНКО В.И.

Уссурийский государственный педагогический институт

Создание материально-технической базы социализма на Дальнем Востоке, малообжитом и малонаселенном районе, было возможно лишь при всесторонней помощи старых промышленных центров страны.

Основной опорной базой для проведения социалистической реконструкции отсталых в экономическом отношении районов, в том числе и Дальнего Востока, явились крупнейшие промышленные центры страны: Москва, Ленинград, Украина и другие.

Своеобразные условия края наложили отпечаток на источники и формы пополнения руководящего хозяйственного и технического персонала промышленности этого далекого, но "нашенского" края.

Решения XYI съезда ВКП(б) об усилении экспорта сыграли определяющую роль в мобилизации внимания центральных советских, хозяйственных органов в оказании помощи Дальнему Востоку квалифицированными кадрами.

Широкая программа привлечения в край кадров руководителей и специалистов была разработана в решениях X-й Дальневосточной краевой партконференции (май,1930 г.).

В завершающий период первой пятилетки, когда возросли масштабы социалистического строительства, пополнение кадров руководителей и организаторов промышленности Дальнего Востока за счет передовых представителей центральных районов достигло размаха. В течение 1932 года на Дальнем Востоке по мобилизациям Центрального Комитета партии прибыло 558 человек, по путевкам наркоматов - 205 человек.

Перевод основных отраслей промышленности Дальнего Востока на новую техническую основу в период первой пятилетки потребовал от руководящих хозяйственных работников глубоких специальных знаний.

Коммунистическая партия сосредоточила внимание государственных органов на расстановке инженерно-технических сил на решающих участках социалистической индустриализации, одним из которых явились районы нового промышленного строительства на востоке страны.

К концу первой пятилетки основное пополнение инженерно-технического персонала промышленности Дальнего Востока происходило путем планомерного направления в край молодых советских специалистов-выпускников центральных втузов.

В материально-технической, культурной помощи центральных промышленных районов СССР ранее отсталым окраинам в реконструктивный период нашла свое конкретное проявление ленинская политика Коммунистической партии, направленная на равномерное и пропорциональное размещение производительных сил по всей стране.

Привлечение Коммунистической партией к укреплению дальневосточной промышленности руководящими техническими и хозяйственными работниками всей системы государственных и общественных организаций явилось важнейшим условием успешного разрешения этой сложной задачи социалистической реконструкции края.

НОВАТОРЫ-СТАХАНОВЦЫ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ИЖКО Ю.А.

Уссурийский государственный педагогический институт

Стахановское движение породило массовый трудовой героизм рабочих всей страны и, в частности, среди дальневосточных железнодорожников. Застрельщиками стахановских методов труда на железнодорожном транспорте Дальнего Востока были машинисты Уссурийской железной дороги, которые после первых сообщений о рекордах машиниста Донецкой железной дороги П.Кривоноса активно включились в борьбу за полное использование мощностей железнодорожного хозяйства. В депо Первая Речка по почину орденоносца И.Нутовта родилось начинание вождения товарных поездов на высоких скоростях и безаварийной работы на железнодорожном транспорте. К декабрю 1935 года более половины машинистов Уссурийской железной дороги водили поезда со скоростью в полто-

ра раза выше плановой.

Вслед за машинистами стахановское движение охватило движенцев, вагонников, путейцев. Составитель поездов станции Эгершельд комсомолец Скороход в декабре 1935 года, применив "башмак", стал формировать составы за 30-35 минут, вместо 130 минут по норме. В январе 1936 года составитель станции Облучье Сафонов выступил с инициативой заочного формирования поездов. Получая точные данные о проходящих составах, он стал обрабатывать поезда за 10-15 минут и добился выработки 250-285%. Его смена, применив этот метод, завоевала переходящее Красное Знамя лучшей смены Уссурийской железной дороги. Вагонники, по почину смазчика коммуниста Гуровского перешли на сопровождение поездов одним смазчиком вместо двух. Путейцы включились в борьбу за образцовое содержание пути, за своевременный и качественный его ремонт.

Стахановское движение на железнодорожном транспорте Дальнего Востока обогатилось местными формами социалистического соревнования. Дежурный по станции Ксеньевская (конечная станция Амурской железной дороги) В.Нетеса выступил с инициативой: работать без остатка, суть этого метода заключалась в том, что смена Нетесы добивалась к концу работы такого положения, когда на станции не оставалось ни одного вагона. Все грузовые вагоны, стоящие по тупикам, отправлялись по назначению. Самоотверженная работа коллектива конечной станции Ксеньевская увеличила пропускную способность Амурской железной дороги. Коммунист Дулюк, участковый диспетчер станции Бикин, ввел учет работы диспетчеров за каждую смену. Дежурный по станции Уссурийск, коммунист Шило организовал пропуск товарных поездов с ходу, без остановки на промежуточных станциях. Комсомолец Магидов, мастер Сковородинского вагонного участка, предложил метод безотцепочного ремонта вагонов путем предварительной информации с линии пунктов осмотра по селектору, какой и какому вагону требуется ремонт и какие запасные части необходимо подготовить для безотцепочного ремонта. Наиболее же сильный импульс развитию новаторского движения среди дальневосточных железнодорожников дала такая форма социалистического соревнования, как борьба за право сопровождения прямых маршрутов "Владивосток-Москва". Первый прямой поезд по маршруту "Москва-Владивосток-Москва" в начале 1937 года провели машинисты Амурской железной дороги во главе с коммунистом В.Макаровым на паровозе "СО" № 17-635, преодолев расстояние 21 тыс.километров. Поезд шел точно по графику со средней скоростью 40 км. в час (такая скорость в самый разгар зимних морозов достигалась в то время редко). Дальневосточные железнодорожники отправили с этим поездом свыше 100 рапортов Центральному Комитету партии с отчетом о работе передовых предприятий, цехов, смен, бригад.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили трудовой героизм железнодорожников-дальневосточников. В 1936 году 976 передовых людей транспорта были награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди них были награждены орденами 22 дальневосточника, 57 получили значок "Почетный железнодорожник". Орденом Ленина был награжден начальник Дальневосточной железной дороги Лемберг Л.В., начальник Амурской железной дороги Руттенбург А.М., машинист депо Сковородино Макаров В.К.; орденом Трудового Красного Знамени были награждены - Грехнев Н.О (начальник Ружинского паровозного отделения), Марчук Н.П. (начальник Уссурийской дистанции пути), Таран П.Х.(мастер депо Первая Речка), Межецкий Б.В. (машинист депо Сковородино), Назаренко В.Г. (машинист депо) и многие другие.

В.К.АРСЕНЬЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

КОЖЕВНИКОВА Л.А.

Хабаровский государственный институт культуры

В развитии исторической науки труды В.К.Арсеньева занимают особое место. Они представляют серьезный вклад в развитие отечественной науки, свидетельствуют о преемственности дореволюционной прогрессивной и советской научных школ. В.К.Арсеньев внес серьезный вклад и в организацию деятельности исторических учреждений региона. В журнале "Экономическая жизнь Дальнего Востока" (1925, № 2,с.74-77 была опубликована статья В.К.Арсеньева "Задачи исследовательских работ на Дальнем Востоке", в

которой ученый предлагал план создания центров исследований.

Как известно, до революции специальных исторических учреждений в России практически не было. Не существовало, как отмечал Арсеньев, определенных программ исследований и у дальневосточных историков. Так, миссионер Палладий (П.И.Кафаров) изучал историю Дальнего Востока; в сферу интересов Ф.Ф.Буссе, заведовавшего переселенческим делом, входила археология региона. Поэтому каждая дореволюционная работа, по выражению В.К.Арсеньева, "стоит как бы особняком, между ними нет логической и причинной связи, у исследователей в работах не наблюдается преемственности". Обосновывая принципы организации исследовательской работы в крае, В.К.Арсеньев основное внимание обращает на такие моменты, как создание сводки научных работ предшествующего периода; разработка текущих и перспективных планов; координация деятельности различных научных центров. Ученый предполагал также создать специальный атлас по Дальнему Востоку, который мог бы иметь не только историческое значение, но и иллюстрировал бы современное положение исследовательских кадров, и давал бы прогноз развития науки в регионе.

Многие организационные идеи В.К.Арсеньева перекликались с предложениями другого дальневосточного историка - З.Н.Матвеева. Анализируя состояние исторической науки в ДВК ("Вестник Дальневосточного отделения АН СССР",1932, № I-2,с.34-46), З.Н.Матвеев отмечал широту тематики исторических исследований и вместе с тем подчеркивал их разрозненность, эпизодический характер, что было связано с отсутствием координационных планов деятельности учреждений. Так, собиранием и публикацией документов по истории и гражданской войны занимались Дальистпарт и Дальневосточное краевое архивное бюро с сетью филиалов на местах. Значительное внимание общей истории региона уделяли Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт, ДВГУ, Дальневосточный пединститут и Дальневосточный комвуз.

Серьезную работу в области исторических исследований проводили общественные организации (например, Общество востоковедения, Владивостокское бюро краеведения и др.) и музеи.

Для упорядочения всей этой огромной работы З.Н.Матвеев предлагал разработать единый 5-летний план научных исследований

как в области изучения местной истории, так и в области изучения истории сопредельных стран Дальнего Востока, учтя недочеты исторических работ первых пятилеток. Регламентирующим документом по организации научных центров региона стало постановление Президиума Дальневосточного краевого исполнительного комитета от 5 июня I93I года "О состоянии научно-исследовательской работы в Дальневосточном крае" (ПАХК, ф.44, оп.I,д.8, л.20-22). Исходя из задач интенсификации научных исследований и приложения их к практике социалистического строительства, Президиум Далькрайисполкома предлагал план мероприятий по реорганизации всей системы науки в регионе, в том числе исторической.

Таким образом, пристальное внимание партийных и государственных органов к проблемам развития науки региона, организаторская деятельность исследователей Дальнего Востока В.К.Арсеньева, З.Н. Матвеева и других, позволили в 20-30-е годы создать на Дальнем Востоке систему исторических учреждений, каждое из которых выполняло свои специфические задачи как в становлении марксистско-ленинской историографии, так и в подготовке кадров историков-марксистов.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРИМОРЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (осень I9I8 г. - октябрь I922 г.)

КУЦЫЙ В.Ю.

Уссурийский государственный педагогический институт

I.Партизанское движение в годы гражданской войны и военной интервенции на советском Дальнем Востоке явилось частью общей героической освободительной борьбы рабочего класса, трудового крестьянства и казачества, проходившей под руководством Коммунистической партии против интервентов и внутренней контрреволюции. И нигде это движение так ярко и последовательно не выявилось, как на Дальнем Востоке и особенно в Приморье, где военная интервенция империалистических держав и поддерживаемая им внутренняя контрреволюция были наиболее длительными и тяжелыми.

2.Возникает оно по инициативе народных масс. Партизанское движение: рабоче-крестьянское по социальному составу его участников и пролетарское по своим политическим целям и методам борьбы, было всецело связано с защитой завоеваний социалистической революции, непосредственно подчинено и направлено на помощь Красной Армии в разгроме интервентов и белогвардейцев.

3.Партизанское движение являлось одной из форм военно-политического союза рабочих и трудящихся крестьян, сложившегося в ходе гражданской войны и военной интервенции.

Одна из трудностей образования союза рабочих и крестьян на Дальнем Востоке состояла в том, что в деревнях края к I9I8 году не было комитетов бедноты, поэтому беднота была организована слабее, чем в Европейской России, и влияние кулачества в деревне не было подорвано.

Среднее крестьянство колебалось. Оно в своей большей части не поддерживало активно Советскую власть в момент контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса, поверив антисоветской агитации меньшевиков, эсеров и белогвардейцев. Поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти начался осенью I9I8 года, огромную роль в этом сыграл политический опыт, полученный крестьянскими массами. Они на практике познали все ужасы интервенции и белогвардейщины и убедились в антинародности буржуазной диктатуры. Не случайно именно осенью I9I8 года стали возникать первые партизанские отряды.

4.Партия понимала, как важны направленные действия партизан под единым руководством и все силы прилагала, чтобы завоевать доверие масс, встать во главе партизанского движения. В.И.Ленин по этому поводу говорил: "Партизанские боевые выступления должны проводиться под контролем партии и притом так, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну, чтобы при этом принимались во внимание условия рабочего движения данной местности и настроение широких масс"[I]. Этими указаниями В.И.Ленина и руководствовались дальневосточные большевики в своей практической деятельности по руководству рабочим и партизанским

[I]Ленин В.И. Полн.собр.соч.,т.I2,с.229

движением в годы гражданской войны и военной интервенции.

5.Партизанское движение было интернациональным. Активное участие в нем наряду с русскими и украинцами принимали малые народности Дальнего Востока: удэгейцы, ульча, орочи, нанайцы. В партизанских отрядах были чешские солдаты, перешедшие на сторону Советской власти.

6.Партизанское движение Приморья прошло в своем развитии три этапа:

Первый этап - осень I9I8 - январь I920 гг. - он характеризуется появлением партотрядов, их укреплением и ростом, трудной борьбой против многочисленных интервентов и белогвардейцев, неудачами и успехами вплоть до уничтожения остатков колчаковского режима в Приморье. В этот период партизаны были единственной силой на Дальнем Востоке, которая оказывала вооруженное сопротивление, то есть единственной формой борьбы с контрреволюцией и интервенцией.

Второй этап - февраль I920 г. - май I92I г. - он характеризуется установлением демократической власти в Приморье в лице областной Земской Управы, которая впоследствии подчинилась правительству ДВР, которая образовалась в апреле I920 г. Эти события наложили свой отпечаток на партизанское движение. Оно как бы перешло в другое качество, стало революционной армией Приморья. Контрреволюция в открытом виде была уничтожена в Приморье, оставались только интервенты, с которыми был подписан нейтралитет, но он нарушился последними. Именно в этот период партотряды стали подчиняться командованию НРА ДВР. Заканчивается этот "мирный" этап меркуловским переворотом.

Третий этап - май I92I - октябрь I922 гг. - он характеризуется новой вспышкой партизанского движения против угнетателей, только это было уже очень сильное, хорошо организованное движение. Действиями партизан руководит командование НРА ДВР. Идут совместные действия партизан и регулярных частей НРА ДВР вплоть до окончательного освобождения Приморья.

На протяжении четырех с лишним лет партизанским движением руководили большевики, ведя на борьбу трудящиеся массы Дальнего Востока во имя жизни и счастья на родной земле.

ЗАРУБЕЖНАЯ КРИТИКА ОБ АРСЕНЬЕВСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЛЕЙМАН И.Н.

Хабаровский государственный педагогический институт

Книги В.К.Арсеньева, содержащие в себе синтез научного исследования и художественной образности, произведения этого естествоиспытателя, историка, этнографа, художника слова приобрели, как известно, мировое признание. Новейшие издания книг В.К.Арсеньева за рубежом, комментарии к ним, оценка в печати свидетельствуют о неувядаемой их привлекательности.

Возрастающее значение книг В.К.Арсеньева в наше время объяснил, в частности, японский кинорежиссер Акира Куросава, экранизировавший "Дерсу Узала". Он увидел в повести В.К.Арсеньева, во всех его работах "гимн гармоничному единению человека с природой", постановку глобальной проблемы "защиты окружающей среды."

Произведения писателей-дальневосточников, продолжающие арсеньевские традиции, унаследовавшие от В.К.Арсеньева глубокий научный изыскательный интерес к природе края, его флоре и фауне, подземным кладовым, к характерам людей, формирующимся в сложных испытаниях поиска и труда – предмет пристального внимания читателей и литературной критики за рубежом.

Как прямое продолжение арсеньевских традиций была воспринята в свое время повесть Юлии Шестаковой "Новый перевал". Комментарии к дрезденскому ее изданию в 1954 г. оценивают повесть как "путешествие на родину Дерсу Узалы." Обстоятельная статья чешского автора, доктора Иржи Цейпека (ж."Прага-Москва", 1955 г.,№ 8) отмечает познавательное значение повести, автор которой с геологами и геодезистами прошла тропами Арсеньева и соединила в своей книге профессиональные знания по географии, биологии, истории с"художественной обработкой их." Особо отмечено расширение в повести этнографического материала об удэгейцах, добытого во время своих путешествий В.К.Арсеньевым. Показано, как изменилась жизнь этого народа при советской

власти.

Арсеньевские традиции в исследовании животного мира родного края, проблемы отношения человека и природы, сохранения разумного равновесия в ней, отчетливо проявляются в произведениях таких писателей как Сысоев В.П., Клипель В.И., совместное произведение которых "За черным соболем", "Тигроловы" В.П.Сысоева вызвали большой интерес за рубежом, а на долю повести В.П.Сысоева "Золотая Ригма" выпал большой успех. В оценках ее в ГДР (повесть издана в издательстве для детей 1975 г.) отмечается ее познавательное и воспитательное значение. Заслуживает внимания подробная рецензия на "Золотую Ригму" в чешском журнале "Златы Май" (№ 3,1975 г.). Подчеркнуты сочетания глубоких профессиональных знаний автора-охотоведа и его литературного таланта, позволившее создать повествование познавательное, призывающее к разумному отношению к миру животных и в то же время остросюжетное.

Арсеньевские традиции несомненно просматриваются в произведениях, созданных авторами-изыскателями недр дальневосточного региона (романы и повести Г.Федосеева "Смерть меня подождет", "Злой дух Ямбуя", изданные и высоко оцененные в Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Финляндии и других странах, произведения О.Куваева, особенно его "Территория", широко освещенные в литературной критике за рубежом, рассказы магаданского писателя А.Мифтахутдинова).

В.К.Арсеньев пробудил большой интерес к жизни, быту, фольклору коренных народностей, населяющих дальневосточный регион. Юлия Шестакова продолжила изучение удэгейского фольклора, что отмечено в статье Иржи Цейпека; в предисловии к повести "Злой дух Ямбуя" Г.Федосеева, изданной в ГДР, выделены эпизоды, повествующие о "последних лесных кочевниках, аборигенах-эвенках."

Большой успех имели "Амурские сказки" Д.Нагишкина, переведенные на ряд иностранных языков. Книга обстоятельно проанализирована в статье румынского критика Юлии Скутару (ж."Виата романска", 1953, № 4). Отмечены высокая степень проникновения писателя в фольклор нивхов и нанайцев, в национальную и

нравственную его сущность, пластичность созданных писателем образов, ясность и афористичность языка. "Амурские сказки" рассмотрены критиком как образец нового использования этого жанра, когда "сказка приобретает смысл живого оружия в величественном труде по преобразованию природы, в борьбе за счастье человека, за построение новой жизни."

Произведения дальневосточных писателей, повествующие о разительных переменах в жизни коренных народностей региона после Октября, содержащие значительный исторический, этнографический материал, неизменно вызывают широкий интерес зарубежного читателя и литературной критики. Об этом свидетельствуют отклики на романы Н.Шундика "Быстроногий олень", романы вызвали пространные рецензии в аргентинском журнале "Куадернос де культура" (1955, № 27) и словацком журнале (ЧССР) "Словенские погляды" (1981,№ 97).

Анализируя роман "Быстроногий олень", аргентинский критик подчеркнул, что книга Шундика убедительно доказывает: "Социализм так силен потому, что он осуществляет стремление многих тысяч людей." Оценены художественные достоинства романа, "крепко сложенного и держащего читателя в напряжении от первой до последней страницы."

Словацкий критик Андрей Марушьяк достаточно высоко оценил в романе Н.Шундика "Белый шаман" глубокое раскрытие жизни чукотского народа, перемены в сознании людей тундры, освобождение их от предрассудков, рождение дружбы чукчей и русских советских людей, удача образа "белого шамана" - охотника и мудреца Пойгина. К достоинствам романа отнесено "успешное сочетание неприкрытой реальности с романтической интерпретацией природных, мифологических, психологических особенностей."

Арсеньевские традиции многообразно продолжаются в новых произведениях дальневосточных писателей и можно ожидать дальнейших откликов на них в зарубежной печати.

ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА ВЬЕТНАМСКОМУ НАРОДУ в 1960-1980 гг.

ЛИХАРЕВ Д.В.

Уссурийский государственный педагогический институт

В 1980 г. народы СССР и СРВ праздновали 30-летнюю годовщину установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Вьетнамом. Будучи выражением боевой солидарности наших народов, отношение между СССР и Вьетнамом в течение прошедших 30 лет неуклонно развивались и крепли, а советско-вьетнамское сотрудничество в целом за этот период превратилось в широкий комплекс межгосударственных связей долговременного характера.

За период 60-х, 70-х годов на долю вьетнамского народа выпало немало трудных испытаний.

В 1964-1973 г. вьетнамскому народу пришлось вести труднейшую войну против самой мощной страны империализма - Соединенных Штатов Америки. Эта агрессия явилась серьезной проверкой на прочность дружбы между двумя нашими народами. Та действенная военная и экономическая помощь, которую оказала Вьетнаму наша страна, явилась одним из важнейших факторов победы вьетнамского народа. Так если в 1965 г. СССР предоставил ДРВ безвозмездную экономическую помощь на сумму 17,5 млн.руб.,то в 1970 г. сумма советских поставок достигла цифры 152 млн.руб.

Все это позволило в кратчайшие сроки укрепить вьетнамскую народную армию, создать во Вьетнаме новые рода войск, оснащенных современной техникой, которые сыграли решающую роль в отражении воздушных налетов на ДРВ. Уже в 1965 г., по официальным данным Пентагона, американская авиация потеряла над ДРВ 171 боевую машину.

Военная и экономическая помощь Советского Союза, а также поддержка им Вьетнама на международной арене в большой мере содействовали урегулированию конфликта в Индокитае и скорейшему подписанию мира в Париже.

Экономическая и техническая помощь СССР сыграла важную роль в послевоенном становлении экономики и культуры во Вьетнаме. К началу 1976 г. при содействии СССР во Вьетнаме было введено в строй более 170 промышленных предприятий. Советский

Союз взял на себя обязательство безвозмездно восстановить все предприятия, которые строились во Вьетнаме с советской помощью и были разрушены в ходе военных действий.

Перед вьетнамской молодежью широко открыты двери ВУЗов и техникумов нашей страны.

За 20 лет в Советском Союзе было подготовлено 70.000 вьетнамских специалистов и квалифицированных рабочих, в том числе в высших и средних учебных заведениях - свыше 15.000.

Говоря о советской помощи Вьетнаму в годы американской агрессии, следует особо сказать о самоотверженных действиях моряков-дальневосточников, доставлявших грузы первой необходимости в борющийся Вьетнам. Их подвиг явился ярким примером "Интернационализма на деле."

В эти годы советские моряки обеспечивали 2/3 всего грузооборота ДРВ. Их рейсы проходили в трудных условиях. Только в 1967 году самолетами ВВС и ВМФ США было совершено 1082 облета судов Дальневосточного пароходства на недопустимо низких высотах. За это же время произошло 70 встреч с военными кораблями ВМС США.

Разгрузка судов нередко проходила в услових бомбежки и артиллерийского обстрела, которые непосредственно угрожали безопасности советских судов и жизни советских моряков.

За оказание братской помощи советского народа вьетнамскому народу и проявленные при этом мужество и героизм Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями более 300 советских моряков. Сотни моряков-дальневосточников имеют высшие правительственные награды ДРВ. Суда Дальневосточного морского пароходства "Боцман Зотов" и "Механик Рыбачук" носят имена моряков-дальневосточников, геройски погибших при исполнении интернационального долга.

ИЗ ИСТОРИИ ВЫПУСКА СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В.К.АРСЕНЬЕВА

(по материалам архива ГО СССР)

ПАЙЧАДЗЕ С.А.

Хабаровский государственный институт культуры

Главной предпосылкой выпуска собрания сочинений В.К.Арсеньева следует считать общественную потребность в систематизированной и полной информации о результатах деятельности этого выдающегося исследователя дальневосточного региона и писателя, научное и художественное значение произведений данного автора, необходимость глубокого изучения его жизни и творчества.

Идея выпуска собрания сочинений В.К.Арсеньева возникла, очевидно, в первой половине 20-х годов. К этому периоду Владимир Клавдиевич являлся автором значительного числа работ, изданных на Дальнем Востоке и в Германии. К ним относится "Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901-1911 гг." (Хабаровск, 1912), "Амба. Ли-Цин-бин" (Никольск-Уссурийск,1920), "По Уссурийскому краю" (Владивосток, 1921), "Дерсу Узала" (Владивосток,1923), "В дебрях Восточной Сибири" (Берлин, 1924) и другие произведения.

Изданные и планирующиеся к выпуску работы составили реальную основу подготовки первого собрания сочинений В.К.Арсеньева. Такую подготовку начал Госиздат РСФСР. В 1925 г. научно-популярный отдел Госиздата (в лице своего заведующего) просил В.К. Арсеньева срочно выслать фотографии и другие материалы, необходимые для издания его работ, намечал последовательность выпуска томов, сообщал об отправке автору во Владивосток текста договора. Однако, Торгсектор издательства посчитал выпуск на Дальнем Востоке книги "По Уссурийскому краю" серьезным "конкурентом" московскому изданию этой работы.[1] Поэтому практическое решение этого вопроса о собрании сочинений было отложено.

---

[1] Архив ГО СССР, ф.108, оп.2, № 15, л.88.

Вторая более основательная попытка издания собрания сочинений В.К.Арсеньева была предпринята издательством "Молодая гвардия". Издательство 21 июня 1929 г. подписало с автором договор о выпуске собрания сочинений в пяти томах. Из архивных материалов ГО СССР очевидно, что в производство были сданы три тома, готовился четвертый.[1]

В 1930 г. владивостокская газета "Красное знамя" сообщила, что проводится подписка на "10 книг полного собрания сочинений выдающегося исследователя Восточной Сибири и Дальнего Востока В.К.Арсеньева с иллюстрациями на отдельных листах."

Как известно, в свет не вышло и это издание. Вероятно, данный факт можно объяснить смертью автора и незавершенностью подготовительных работ. В 30-е годы "Молодая гвардия" выпустила лишь отдельные книги В.К.Арсеньева. Долгое время не предпринимались попытки издать сочинения В.К.Арсеньева и в нашем регионе, хотя, судя по публикации в газете "Боевая вахта", о значении его деятельности помнили даже в годы Великой Отечественной войны.[2]

Только в 1947-49 гг. во Владивостоке были опубликованы "Сочинения" В.К.Арсеньева в шести томах, а в Хабаровске в 1948-1949 гг. увидел свет двухтомник его работ. В настоящее время представляется целесообразным осуществление выпуска полного собрания сочинений этого выдающегося писателя и ученого, снабженного необходимым научно-справочным аппаратом, что явится событием в духовной жизни не только Дальневосточного региона, но и всей страны.[3]

ВОПРОСЫ РАБОТЫ С ПАРТИЙНЫМИ КАДРАМИ В ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫХ ТРУДАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

ПЕЧЕРИЦА В.Ф.

Дальневосточный государственный университет

В последние годы наблюдается повышенный интерес ученых и

---

[1] Архив ГО СССР,ф.108,оп.2, № 15,л.147.

[2] Там же, ф.108,оп.2, № 60,л.45.

[3] Кожевникова Л.А. Арсеньев и история экономического освоения Д.Востока. Арсеньевские чтения. Хабаровск,1984,с.16-19.

практических работников к проблемам кадровой политики КПСС. Он связан прежде всего с тем, что в условиях совершенствования развитого социализма возрастание руководящей роли КПСС, ее кадров проявляется все более как закономерность. Исследователей все более привлекает конкретный механизм реализации КПСС своей функции руководителя и организатора, кадровая политика рассматривается как важнейшее средство совершенствования партийного руководства коммунистическим строительством.

В 70-80 гг. к работам общесоюзного характера добавилось большое число работ о деятельности местных партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров. В большинстве случаев авторы этих трудов ставят следующую задачу: каким образом общепартийные закономерности осуществления кадровой политики КПСС в условиях развитого социализма преломляются в специфических местных условиях тех или иных регионов страны. Отражая новую творческую обстановку в историко-партийной науке, исследования, написанные на местном материале существенно расширили и углубили понимание кадровой политики партии. Следует, однако, отметить, что не все монографии, брошюры,статьи на местные темы равноценны по своей глубине и органической связи с общесоюзным материалом. Многие из них страдают, как справедливо отмечает проф. М.В.Искров, описательностью, невысоким уровнем обобщения фактов и явлений. Общей характерной чертой местной историографии кадровой политики партии последних лет является расширение источниковой базы, совершенствование методики научных исследований, соединения теории с практикой, актуализация научной проблематики.

Активное участие в изучении кадровых вопросов приняли дальневосточные авторы. В их работах, написанных преимущественно в очерковом и публицистическом жанре обобщается деятельность краевых и областных парторганизаций по совершенствованию идейно-политической и организационно-партийной работы, улучшению стиля руководства парткомов и партбюро. Наряду с анализом форм и методов оргпартработы в целом, в этих трудах содержится характеристика основных тенденций деятельности партийных организаций в решении кадровых вопросов.

Примечательна своим широким подходом к проблемам подбора, расстановки и воспитания кадров монография "Из опыта организационно-партийной работы" (Хабаровск, 1984 г.). На основе марксистско-ленинской методологии авторы обощают богатый опыт, накопленный парткомами региона по совершенствованию внутрипартийной жизни, подготовке, повышению квалификации партийных кадров. В интересной по замыслу и содержательной по исполнению, в этой книге делается важный методологический вывод о том, что вооружение руководящих работников передовым опытом работы парторганизаций является неоходимым условием дальнейшего совершенствования стиля и методов партийного руководства. Особый интерес среди специальных работ, посвященных данной проблематике, представляет коллективная монография "Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке" (Хабаровск, 1971 г.). Вопросы обучения руководящих работников авторы рассматривают в связи с опытом прошлого. Ретроспективное освещение и оценка всего предшествующего развития системы подготовки и переподготовки кадров помогает им выявить некоторые закономерности в динамике партийного образования на Дальнем Востоке. Упор делается на анализ работы Хабаровской Высшей партийной школы. Несомненно, что эта работа, увидевшая свет в 1971 г. требует дополнения и переиздания. Заслуживает внимания книга "Партийные кадры сегодня" (Петропавловск-Камчатский, 1980 г.), где освещается работа парторганизаций Камчатки по воспитанию партийного актива области. Авторы подчеркивают, что в условиях отдаленной и пограничной Камчатки упор в работе с партийными кадрами делается на воспитание у них большей самостоятельности и оперативности в работе. В ряде публикаций показана деятельность парткомов по совершенствованию системы партийного просвещения и экономического образования работников. Различные аспекты кадровой политики партии на Дальнем Востоке получили освещение в многочисленных Ученых записках и сборниках, выпущенных дальневосточными вузами, Институтом истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР по материалам научно-практических и теоретических конференций, проходивших во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Южно-Сахалинске. Практическая ценность всех этих трудов состоит в том, что авторы вводят в научный оборот новые документы и материалы, с

обилием интересных фактов, выделяют особенности проявления общих закономерностей в обучении и воспитании руководящих кадров на Дальнем Востоке, делают научные обобщения и выводы.

Несомненно крупный вклад в разработку проблемы вносят Очерки истории краевых и областных парторганизаций. По полноте изложения вопросов партийного строительства, работы с кадрами выгодно отличаются "Очерки истории Хабаровской краевой организации КПСС", отмеченные в центральной партийной печати. Подбор, расстановка и воспитание руководящих кадров нашли отражение в статьях и выступлениях руководителей краевых и областных парторганизаций.

Ценность названных публикаций в том, что они написаны партийными работниками-практиками, живыми участниками осуществления кадровой политики партии на местах. Анализ публикаций, посвященных работе с кадрами на Дальнем Востоке, позволяет сделать вывод, что в историко-партийных трудах лишь намечается комплексный подход к проблеме, что литература по рассматриваемой теме представлена преимущественно статьями и брошюрами локального характера, освещающими работу с партийными кадрами в рамках небольшого временного периода.

В ряде работ на основе анализа, опубликованных и неопубликованных источников архивных материалов освещает деятельность краевых и областных парторганизаций по укреплению партийных органов компетентными работниками, автор данной статьи. Так, в монографии рассматриваются основные формы и методы подготовки и переподготовки партийных кадров, их обучение и воспитание. Разумеется, каждый из поставленных вопросов, требует многопланового исследования. Рассмотрение данной темы в своей работе автор считает лишь первоначальной постановкой вопроса,

Таким образом, имеющаяся литература, позволяет сделать вывод о том, что ее авторы несомненно углубляют представление о подготовке и воспитании партийных кадров, создают историографическую базу для дальнейшего изучения проблемы. Эта литература создает предпосылки для последующего обобщения положительного опыта и обобщения теоретических выводов, касающихся партийного строительства на Дальнем Востоке.

В то же время необходимо отметить, что хотя перечисленная выше литература и вносит значительный вклад в разработку воп-

роса подбора, подготовки и воспитания партийных кадров, она далеко не исчерпывает всех аспектов многогранной деятельности КПСС. Остается малоизученной история развития и совершенствования системы обучения и воспитания кадров, как по всему региону, так и по отдельным краям и областям Дальнего Востока. Относительная дробность тематики стала одной из причин поверхностного изучения проблемы. Фрагментностью страдает изложение истории деятельности парторганизаций по укреплению коллективности руководства и повышению персональной ответственности кадров.

Слабо прослеживается в дальневосточной литературе национальный аспект в работе с кадрами. Многие вопросы работы с партийными кадрами на Дальнем Востоке не поставлены вообще. Нет еще публикаций, где прослеживались бы особенности кадровой политики КПСС на Дальнем Востоке. До сих пор исследователи не использовали многих важных документов КК,ОК, РК КПСС, материалов краевых, областных, городских и районных партконференций, не вовлечен в научный оборот целый ряд документов ЦК КПСС, касающихся непосредственно дальневосточных парторганизаций. Естественно, от перечисленных трудов неправомерно требовать полноты и систематизации фактов, глубины анализа, однако, важнейшие аспекты кадровой политики партии на Дальнем Востоке нуждаются в более глубоком изучении. Все это напоминает о необходимости написания обобщающих трудов по истории организационной деятельности дальневосточных парторганизаций в целом и по работе с партийными кадрами, в частности, ибо без глубокого изучения опыта местных парторганизаций нельзя представить опыт партии в целом.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 20-е, 30-е ГОДЫ

ПОНОМАРЕВА А.А.

Хабаровский краеведческий музей

Будучи директором Хабаровского краеведческого музея, В.К. Арсеньев не только сам активно собирал естественно-научные коллекции, но и привлекал к сборам ученых, краеведов, самые широкие слои населения.

Известны слова В.К.Арсеньева о том, что "музей – дело народное, общее...". Одним из постоянных корреспондентов Арсеньева был Нумма Августович Десулави. На многочисленных гербарных листах, хранящихся в музее, стоит пометка "Сборы Десулави". Им же был составлен "Систематический каталог гербария Манчжурской флористической области." Коллекция и поныне представляет большой научный интерес.

Н.А.Десулави родился в 1860 году в Швейцарии, 19-ти лет приехал в Россию в качестве учителя французского языка. В Петербурге закончил педагогические курсы при Втором кадетском корпусе. В 1901 году по просьбе его был переведен в Хабаровский кадетский корпус преподавателем. Ранее им была собрана богатая гербарная коллекция растительности Кавказа, он участвовал в издании Академией наук гербария русской флоры, собрав около 6-ти тыс. гербарных листов. На Дальнем Востоке им была продолжена работа по составлению гербария. В 1907,1911 годах Десулави был участником экспедиций В.К.Арсеньева. В 1914 году передал в музей обширную коллекцию образцов флоры края. В 1921-1922 годах, находясь на Русском острове, Десулави составил почти полный гербарий флоры острова, передав его в музей. Дублетные образцы поступили в Дальневосточный университет.

В 20-е годы гербарий для музея комплектовали И.Шишкин, Е.Галанова, А.Евгенова, сотрудники музея С.Сизых и Е.Преженцова.

В 1927 году в работе Советско-гаванского экспедиционного отряда под руководством В.К.Арсеньева принимал участие заведующий отделом зоологии музея А.И.Кардаков. Им был собран для музея гербарий, образцы вулканических пород, предметы этнографии.

В 1925 году В.К.Арсеньев привлек к работе в музее опытного таксидермиста – препаратора Георгия Евграфовича Сольского. Г.Е.Сольский учился в Петербургской военно-медицинской академии, но за участие в революционных выступлениях студенчества в 1900 году был исключен из академии и сослан в Саратов. В 1925 году, после переписки с Арсеньевым, приезжает в Хабаровск и работает в Хабаровском краеведческом музее до 1938 года. В совершенстве владея техникой обработки шкурок и таксидермическими навыками, он создал замечательные по выразительности чучела животных, которые и сегодня украшают отдел природы.

Г.Е.Сольский изготовил по заказу А.М.Лукашова, известного дальневосточного селекционера, муляжи садовых груш, выведенные Лукашовым. Особую ценность в собрании музея имеет коллекция тушек птиц, собранная и доставленная В.К.Арсеньевым. Он стремился к созданию эталонной коллекции птиц в музее. Этикетаж, составленный В.К.Арсеньевым к каждой тушке, отличается полнотой информации, точностью датировок и во многом определяет научное значение коллекции сегодня.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И МЕТОДИКИ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ИСТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

РАКИТИНА Е.Г.

Уссурийский государственный педагогический институт

Нынешняя реформа школы определила необходимость дальнейшего совершенствования всего учебно-воспитательного процесса. Определенную роль здесь призваны сыграть факультативные занятия, качественно новая форма массовой дифференциации обучения.

Особое образовательно-воспитательное значение имеет факультативный курс по истории родного края. Краеведение представляет собой естественную лабораторию, где многие сложные проблемы истории предстанут перед учащимися близко, понятно, образно, помогая понять общее, закономерное через частное, конкретное.

Учитель, желающий создать факультатив по истории края, должен иметь ввиду ряд методических условий:

- соответствие содержания марксистско-ленинским принципам научной объективности;
- содержание курса должно быть доступно учащимся, недопустимо чрезмерное усложнение его;
- важно соблюдать преемственность и факультативного курса при опоре на основные курсы;
- нужна значительная новизна содержания; углубленное рассмотрение фактов, понятий и явлений.

Остановимся на содержании факультативного курса по истории Приморского края. Факультативные занятия для учащихся 7-8 классов могут включать следующие темы:

1. Средневековые государства на территории Приморья.
2. Первые русские землепроходцы на Дальнем Востоке.
3. Русские морские экспедиции XIX в. и изучение нашего края.
4. Положение малых народностей нашего края до революции.
5. Героическая летопись военно-морского флота на Тихом Океане.
6. Наши земляки - борцы за власть Советов в Приморье.
7. Наши земляки на фронтах Великой Отечественной войны.
8. Приморье - форпост нашей Родины.

Содержание курса является примерным. Учителю предоставляется возможность углубленно рассмотреть одни темы и обзорно остановиться на других, осуществлять варианты в тематике проводимых семинаров, в отборе изучаемых произведений, в проведении экскурсий в объеме краеведческого материала.

Проведение факультативных занятий требует дифференцированного подхода к учащимся, соблюдения принципа индивидуализации, внимательного отношения к интересам и возможностям каждого ученика. Итогом такой работы будет выработка у учащихся умений самостоятельно добывать знания.

Для 7-8 классов занятия расчитаны на 2о часов и строятся в основном на изучении художественно-исторической литературы по краеведческой тематике. Занятия с учениками 7-8 классов будут несколько выходить за рамки изучаемого ими по программе курса отечественной истории. Но это оправдывается тем, что историю становления Советской власти в родном крае, гражданской войны, Великой Отечественной войны (I94I-I945 гг.), социалистического строительства школьники знают из различных источников внеурочной информации.

Более подробно содержание и методику этого курса можно рассмотреть на примере одной темы: "Русские морские экспедиции XIX века и изучение нашего края." К данной теме можно рекомендовать следующую литературу: Чуковский Н.К. "Водители фрегатов", Задорнов Н. "Капитан Невельской" (кн.П,часть П), Гончаров И.А. "Фрегат "Паллада".

Участники факультатива по каждой теме читают одну из рекомендованных книг, ведут записи, отмечают нужные им главы, разделы, страницы, характеристики. В разборе литературного произ-

ведения целесообразно концентрировать внимание учащихся на следующих проблемах: достоверность и яркость изображения исторических событий; показ подлинных исторических личностей; характеристика типических (вымышленных) персонажей, помогающих глубже раскрыть историческое содержание; идейная и классовая позиция писателя.

Возможен и такой вариант, когда по нескольким литературным источникам группа участников факультатива готовит обобщающее сообщение по какому-либо конкретному вопросу из истории родного края. Факультативные занятия по данной теме предполагают разработку заданий по подбору материала из художественной литературы. Изложение задания может быть в форме чтения отрывков или их монтажа, а также в виде текста заочной экскурсии.

Другим возможным приемом руководства работой над художественным историческим произведением является сочинение на историческую тему. Задача таких сочинений - в образной форме передать восприятие описанных в книге событий или явлений. Причем выполнение такого рода задания может быть итогом всей работы на занятиях факультатива.

КОНСОЛИДАЦИЯ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В 1921-1928 гг.

РОМАНОВСКИЙ В.К.

Уссурийский государственный педагогический институт

X-й съезд РКП(б) стал, по определению В.И.Ленина, поворотным пунктом "и в экономической политике и в смысле максимального сплочения пролетариата."[1]

Одна из главных задач партийных и профсоюзных органов на местах, отмечалось на IУ-й Дальневосточной областной партконференции РКП(б) "должна заключаться в том, чтобы сохранить от распыления производственный кадр пролетариата" (октябрь 1922г).

Консолидация являлась стержневым процессом в развитии рабочего класса крупнейших промышленных центров, а также Сибири,

[1] Ленин В.И. ПСС,т.43,с.32.

Дальнего Востока в годы восстановления и начальный период реконструкции народного хозяйства.

Основным содержанием процесса консолидации как в индустриальных центрах страны так и на Дальнем Востоке было восстановление экономической, социальной, политической мощи пролетариата и преобразование его общественного облика.

Процесс консолидации охватил важнейшие стороны развития рабочего класса. В экономической области упрочилась материальная база его существования, восстановились ранее нарушенные связи рабочих с производством. Это способствовало позитивным сдвигам в области социальной; была восстановлена довоенная численность рабочих и наметилась закономерная тенденция их бурного количественного роста. Благодаря значительному повышению удельного веса кадрового ядра, укрепилась внутриклассовая сплоченность рабочего класса. Положительные изменения в социально-экономической области сопровождались существенными сдвигами в политической и духовной сферах. Основные массы промышленных рабочих сплотились вокруг Коммунистической партии и Советской власти. Новые духовные, социально-психологические черты, утвердившиеся в пролетарском ядре, интенсивно распространялись в более широких слоях рабочего класса.

В результате консолидации окрепла ведущая роль рабочих в экономике и общественной жизни, возросло их влияние на широкие массы крестьянства, на интеллигенцию. Консолидация рабочего класса явилась одной из важнейших предпосылок успешного решения основных задач социалистического строительства - индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции.

РОЛЬ В.К.АРСЕНЬЕВА В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИЙ КРАЕВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

САДОХИНА Т.И.

Хабаровский государственный институт культуры

В.К.Арсеньев является многогранной и яркой личностью, сыгравшей видную роль в формировании передовых традиций краеве-

дения на Дальнем Востоке. Как ученый и общественный деятель он стал связующим звеном между традициями дальневосточной дореволюционной и советской школ краеведения. Ко времени вступления В.К.Арсеньева в научную и практическую деятельность, в изучении Дальнего Востока имелись определенные прогрессивные традиции, которые он сумел развить и приумножить. Разумеется, что условия деятельности в дореволюционный и советский периоды существенно различались по целям, задачам, кадрам и характеру краеведческой работы. Поэтому более многосторонней и эффективной была деятельность В.К.Арсеньева в советский период, когда его начинания поддерживались государством, всей перестройкой социально-экономических условий на социалистический лад.

Обобщая многочисленные факты и события творческой и личной жизни В.К.Арсеньева, обратим внимание на следующие его черты.

В.К.Асеньев в своей деятельности отличался особой социальной чуткостью к актуальным потребностям современной жизни, что позволяло ему быть не только на переднем крае науки, но и видеть далеко вперед, предвидя будущее. В этом отношении особенно показательно его участие в подготовке Первой Конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока.

В.К.Арсеньев поддерживал организованное краеведческое движение на Дальнем Востоке, являясь деятельным участником важнейших начинаний Общества изучения Амурского края (1884 г.), первого научного общества на Дальнем Востоке, и Приамурского отделения Русского Географического общества (1894 г.), членом которых он состоял.

Вклад В.К.Арсеньева в географию, биологию, картографию, экономику, историю, этнографию, музееведение Дальнего Востока содействовал становлению этих отраслей науки в регионе, определил их переход на новый качественный уровень как составных частей всестороннего комплексного познания края.

В.К.Асеньев прославился как исследователь Уссурийского края, но ему было чуждо местничество. В поле его зрения была территория всего Дальнего Востока, изучаемая им целенаправленно, в рамках четко сформулированной программы.

Одной из замечательных традиций, поддержанных и развитых исследователем, является забота В.К.Арсеньева о коллекциях музеев, о фондах научных библиотек. Он стремился комплектовать

музейные фонды на научной основе, формируя тем самым надежную источниковедческую базу науки. Особенно успешны его усилия в этом направлении были на посту директора краеведческого музея.

В.К.Арсеньеву было свойственно разнообразие форм и методов исследовательской краеведческой работы. Его экспедиции были лишены "кустарщины", многообразие форм обобщения результатов научной работы, выражающееся в частности в разнообразии его печатных трудов, документов и других материалов, требуют пристального изучения. Не случайно В.К.Арсеньев в советский период занимался педагогической деятельностью - его методы работы были "воспитывающими" по самому своему существу. И не случайно, многие видные ученые современности с гордостью называют себя учениками В.К.Арсеньева (К.П.Соловьев, Н.В.Усенко, Н.Е.Кабанов и другие).

Дальний Восток во второй половине XIX - начале XX веков выдвинул в разряд ученых высокого ранга многих деятелей, не являвшихся по существу профессиональными деятелями науки. Особенностью формирования дальневосточной научной школы было то, что учеными и исследователями здесь становились люди, формально занимающие подчас далекие от науки административные посты. Тем не менее, социальные условия, личностные качества (широта кругозора, эрудиция, желание внести посильный вклад в изучение края, патриотизм) позволили многим из них стать известными учеными. Таковы, на наш взгляд, Ф.Ф.Буссе, В.П.Маргаритов, С.Н.Ванков и, разумеется, В.К.Арсеньев; более того В.К.Арсеньев создал новое направление в отечественной научно-художественной литературе. Основные книги, принадлежащие его перу, "По Уссурийскому краю", "Дерсу Узала", "В горах Сихотэ-Алиня" проникнуты такой любовью к природе Дальнего Востока, дают такое поэтическое и в то же время научное изображение жизни, что привлекли и привлекают внимание к Дальнему Востоку, его проблемам и людям в нашей стране и за рубежом.

УЧАСТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ОХРАНЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

СЕРГЕЕВ О.И.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

I.Успешное воссоединение земель южной части Дальнего Востока с Россией в середине XIX в. потребовало решение многих вопросов, и в числе важнейших - организации обороны края. Проблема эта была чрезвычайно сложной, так как ее разрешение обуславливалось влиянием многих экономических и политических факторов. Зависимость военных возможностей общества от экономического базиса, от развития производства убедительно доказал Ф.Энгельс.[1]

II.В 50-60-х гг. XIX в. экономические возможности России в целом и ее восточных окраин в особенности не позволяли комплектовать на Дальнем Востоке необходимое для обороны количество регулярных воинских частей. В силу указанных причин создание регулярной армии на востоке страны продолжалось длительное время и лишь к концу XIX в. здесь появились значительные регулярные войска. В этих условиях важное значение для обороны края и укрепления его границ приобретали иррегулярные, т.е. казачьи, части.

III.Для казачества воинская служба являлась основной обязанностью. Каждое казачье войско выставляло определенное количество строевых частей в зависимости от общей численности населения и времени - мирного или военного. Служба казаков разделялась на полевую и внутреннюю. В течение второй половины XIX в. срок полевой службы дальневосточных казаков неоднократно менялся, преобразования коснулись также численности и структуры выставляемых ими строевых частей. Особой частью, в формировании которой принимали участие казаки, являлась созданная в 1897 г. Амурско-Уссурийская казачья флотилия. Общая

[1] Маркс К.,Энгельс Ф.Соч.,т.20,с.171.

численность казаков Забайкалья и Дальнего Востока, которые подлежали вызову на службу в военное время, изменялась следующим образом: 1881 г. - 22 453 чел., 1891 г. - 26 696 чел., 1902 г. - 40 821 чел.[1]

IV.В середине XIX в. казаки восточных окраин страны уже имели определенный опыт участия в боевых действиях, в частности, в период Крымской войны на дальневосточном театре (оборона Петропавловска-на-Камчатке в 1854 г.,защита залива Де-Кастри в 1855 г. от англо-французских агрессоров). Впоследствии в рассматриваемый период военных действий на территории русского Дальнего Востока не было. Однако, кризисные ситуации на восточных границах России, грозившие перерасти в вооруженный конфликт, имели место. В таких случаях казачьи части принимали участие во всех оборонительных мероприятиях, проводимых в крае. Важнейшей обязанностью казачества оставалась охрана государственной границы.

V.В системе обороны русского Дальнего Востока казачьи войска играли большую роль, чем в целом казачество в системе обороны России. В то же время в связи с ростом численности регулярных войск удельный вес казачьих частей в общей массе вооруженных сил Дальнего Востока постепенно снижался и к началу XX в. сблизился с общероссийским уровнем.[2]

[1] ЦГВИА, ф.I,оп.2, д.859, л. 22 об.; Столетие военного министерства (1802-1902). СПб.,1902,т.XI,ч.I,с.552-553,690.

[2] ЦГАОР,ф.543,оп.I,д.193,л.2; ЦГВИА,ф.I,оп.2,д.859,л.22-22 об.; Воинская повинность казачьих войск. СПб., 1907,с.444-445; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке.М.,1973, с.61,62,65.

РОЛЬ ПРИАМУРСКОГО ФИЛИАЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР В ВОСПИТАНИИ НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

СИМАКОВ В.И.

Приамурский филиал Географического общества СССР
г.Хабаровск

Известный исследователь Дальнего Востока Ф.Ф.Буссе в свое время сказал: "Географические общества на местах имеют громадное воспитательное значение, не дают мыслящим людям потеряться, будят их мысль и мобилизуют силы на благородные дела и цели." (М.А.Востриков, 1984). Справедливость этих слов доказывает деятельность В.К.Арсеньева. В рядах Приамурского отдела Географического общества сформировался талант В.К.Арсеньева как ученого и писателя, создавшего "новое краеведческое направление в отечественной научно-художественной литературе." Это направление активно развивается последующими поколениями дальневосточников и, что очень важно, все они являлись или являются воспитанниками Приамурского отдела (с 1945 года - филиала) ГО СССР.

За 90 лет своего существования Приамурский отдел вырастил десятки талантливых ученых и писателей. В 1965 г. в сборнике филиала "Вопросы географии Дальнего Востока" была опубликована первая научная статья Хабаровского охотоведа С.П.Кучеренко. Ныне Кучеренко - кандидат биологических наук, известный в стране ученый, член Союза писателей СССР, автор многих научных и научно-художественных книг, написанных в русле направления созданного В.К.Арсеньевым. В конце 50-х годов в изданиях филиала были опубликованы первые научные работы гидролога И.А. Соловьева. Сегодня Соловьев - кандидат технических наук, известный дальневосточный ученый, автор нескольких ценных монографий по гидрологии Амура, кстати сказать, изданных также приамурским филиалом. Этот факт должен представить особый интерес. В 1959 году в одном из сборников филиала была опубликована статья тогда всего лишь студента географического факультета Комсомольского педагогического института В.И.Готванского. Сейчас Готванский - кандидат наук, известный географ Дальнего Востока.

Из рядов Приамурского филиала вышли известные дальневосточные писатели, члены Союза писателей СССР Ю.А.Шестакова, В.П. Сысоев, В.И.Клипель, Н.И.Рогаль и другие. Все они продолжают арсеньевские литературные традиции. Каждый из них в своей творческой деятельности сочетает исследовательскую и литературную работу. Не случайно, сразу же после возобновления деятельности Приамурского филиала Н.И.Рогаль публикует в 1947 году книгу об В.К.Арсеньеве. В.П.Сысоев трижды избирался председателем филиала. Ю.А.Шестакова возглавляла в обществе хабаровских географов и краеведов секцию этнографии. В 1946 году она приняла участие в комплексной экспедиции, организованной Приамурским филиалом, в центральную часть Сихотэ-Алиня. Результатом работы явилась книга "Новый перевал" и другие.

Сказанного достаточно, чтобы представить ту особую роль, которую играл, играет и будет играть в интеллектуальной (научной и просветительской) жизни Хабаровского края Приамурский филиал Географического общества СССР.

"ЗАБЫТАЯ РАБОТА В.К.АРСЕНЬЕВА /ВОСПОМИНАНИЯ О Н.И.ГРОДЕКОВЕ/"

ТАРАСОВА А.И.

Институт Дальнего Востока АН СССР г. Москва

В настоящее время общий список опубликованных работ В.К. Арсеньева насчитывает более 120 названий. Однако, его нельзя считать исчерпывающим. Ведется поиск его трудов, в том числе опубликованных под различными псевдонимами[1], затерявшихся на страницах периодической печати. Недавно мною обнаружены две публикации В.К.Арсеньева, еще не учтенные его биографами. Это извлечения из доклада "Вымирание инородцев Амурского края"[2]

---

[1] Имеются свидетельства о том, что В.К.Арсеньев печатал некоторые из своих работ под псевдонимами /Г.Пермяков.Тропой женьшеня. Хабаровск, 1965,с.94/, остающимися неизвестными.

[2] "Приамурье", 4 сентября и 6 сентября 1913 г.

и краткие воспоминания о Н.И.Гродекове. Первая из них широко известна[1], а вторая прочно забыта и нигде не упоминается.

2.Воспоминания о Н.И.Гродекове были напечатаны в составе большой подборки "Н.И.Гродеков. Воспоминания сослуживцев"[2], посвященной памяти известного исследователя Средней Азии, члена Русского географического общества, одного из организаторов и первого председателя Приамурского отдела РГО в Хабаровске Николая Ивановича Гродекова /1843-1913/.[3]

Свидетельств о том, что В.К.Арсеньев и Н.И.Гродеков были лично знакомы, до настоящего времени не имелось. Было известно только, что через Пальчевского Н.А. Владимир Клавдиевич передал в 1902 г. Н.И.Гродекову одну из своих археологических работ, выполненную в Южном Приморье во время отпуска на собственные средства. Работа понравилась, и Н.И.Гродеков, занимавший тогда должность приамурского генерал-губернатора, приказал считать затраченное на нее время не отпускное, а командировкой с выдачей суточных денег. Из воспоминаний же впервые становится известным, что В.К.Арсеньев трижды встречался и беседовал с Н.И.Гродековым: в 1902 г. во Владивостоке и два раза зимой 1910-1911 г. в Петербурге, куда Гродеков вернулся после окончания русско-японской войны к прежней своей деятельности члена Государственного Совета и оставался там до конца жизни /умер 12 декабря 1913 г./.

3.Рассматриваемая работа содержит ряд неизвестных ранее биографических сведений о В.К.Арсеньеве и Н.И.Гродекове. Так, впервые узнаем, что Владимир Клавдиевич уже в 1902 г. пришел к твердому решению "остаться навсегда" на Дальнем Востоке и посвятить свою жизнь его изучению. По приему, оказанному Арсеньеву Гродековым, а также по содержанию бесед, происходивших между ними, видно, с какой любовью относились они к Дальнему Востоку и каким огромным авторитетом уже в то время пользовался Арсеньев как исследователь. Из воспоминаний всплывает и

---

[1] Этот доклад полностью опубликован в "Материалах по изучению Приамурского края", вып.20, Хабаровск, 1914.

[2] "Приамурье", 18 и 19 декабря 1913 г.

[3] Подробнее о Н.И.Гродекове см.: История в исторических науках: Дооктяб.период.Библиография.М.,Наука,1965,с.504;Военная энциклопедия.Т.8,М.,1912,с.398-400.

такая любопытная деталь - полнейшее доверие Н.И.Гродекова к Н.К.Арсеньеву. Будучи уже старым и больным человеком, не имевшим своей семьи, Гродеков решил оставить все, что у него было ценного, Хабаровскому музею, названному в 1902 г. Гродековским, и пригласил Владимира Клавдиевича в свидетели при составлении завещания. Неоходимость скорейшего возвращения в Приамурье не позволила Арсеньеву исполнить это поручение. О том, что завещание было составлено несколько позднее, Арсеньев еще не знал, когда писал свои воспоминания.

Н.И.Гродеков завещал Хабаровскому музею 14 тыс. руб., все свои азиатские коллекции, личную библиотеку и золотую шпагу, украшенную бриллиантами

4.Впервые становится известно и о ненайденном пока и, по всей вероятности, единственном письме Арсеньева к Гродекову, написанном зимой 1910-11 г., что дает возможность полнее учесть эпистолярное наследие путешественника.

5.Вновь найденная публикация позволяет яснее представить себе ее автора, обладавшего удивительным талантом общения с людьми, умением выявлять в каждом человеке лучшие черты характера. К уже известным работам о Л.Я.Штернберге и Н.В.Кирилове и к ненайденной пока работе о Ф.Нансене теперь прибавилась еще одна о Н.И.Гродекове, что существенно дополняет представление об Арсеньеве-мемуаристе, чей рассказ всегда лаконичен, сдержан и исполнен благородной простоты.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРИМОРЬЕ В 20-30 гг.

ГАЗИЗОВ А.Р.

Уссурийский государственный педагогический институт

Приморье до Великой Октябрьской социалистической революции в культурном отношении представляло собой одну из наиболее отсталых областей царской России.

Годы первой мировой войны и гражданской еще более усугубили положение школьного дела в Приморье. Грамотность населения като-

---

[1] О завещании Н.И.Гродекова хабаровчане узнали только в начале 1914 г. /"Приамурье", 9 февраля 1914 г./

строфически падала.

С установлением Советской власти развернулась работа по школьному строительству, ликвидации неграмотности и малограмотности населения. Обеспечить необходимо было школы учительскими кадрами и материальными ресурсами, учебниками и новыми программами. (В 1922 году среди городского населения неграмотных было 41,3%, а среди сельского - 70,9%).

В начале 1923 г. создается Приморский губернский отдел народного образования. Он взял на учет 228 школ с 10862 учащимися и 392 учителя. Создана в этом же году единая трудовая школа I-й и II-й ступеней.

В начале 1923-1924 учебного года к работе приступили 484 школы с 42 тыс. учащихся. В их числе 454 школы I-й ступени с 36 тыс. учащихся и 30 школ II-й ступени с 6 тыс. учащихся.

Школьная сеть все же оставалась незначительной, хотя в 1923-1924 учебном году она приблизилась к 1913-1914 учебному году, а в некоторых частях даже переросла ее. Впервые в истории было начато обучение малых народностей ДВ: орочей и удэге.

Широко развернулась работа по подготовке учительских кадров. Издавались книги (учебники), буквари и пособия. Партийные и советские органы за короткий срок провели большую работу по организации народного просвещения (осуществление всеобщего начального образования и успешный переход ко всеобщему 7-летнему).

Накануне Великой Отечественной войны в крае насчитывалось 604 начальных, 178 семилетних и 93 средних школы, а всего 875 школ, в которых обучалось 161,3 тыс. учащихся.

В эти годы создавались новые школы и интернаты (112) в крае. Создавалась сеть внешкольных учреждений, проводились оздоровительные мероприятия среди школьников (пионерские лагеря).

Из года в год укреплялась материально-техническая база школ края. Строились новые, ремонтировались старые. (На капитальный ремонт было израсходовано около 3-х млн.руб.).

К 1940 г. в Приморье была создана необходимая сеть школ и интернатов для осуществления всеобщего начального обучения детей и расширение 7-летнего и среднего образования.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ г.ЛЕСОЗАВОДСКА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ.

ГОНЧАРУК О.П.

Уссурийский государственный педагогический институт

История города - хороший краеведческий материал, который можно использовать для воспитания чувства советского патриотизма, особенно у молодежи. Изучая историю города, мы узнаем новое об истории Приморья.

Лесозаводск - один из крупнейших промышленных городов края, центр крупного сельскохозяйственного района.

В конце прошлого столетия на месте нынешнего Лесозаводска были непроходимые леса и топкие болота. Заселение и хозяйственное освоение территории Лесозаводска началось с 1893 г. переселенцами донских и оренбургских казачьих семей. Они образовали 3 населенных пункта: с.Лутковка, станицы Донская и Медведицкая. К 1910 г. было уже 13 сел. Они образовали Шмаковскую волость с центром в Лутовке. Население занималось земледелием. Началось развитие животноводства. Больших предприятий не было, но частные небольшие предприятия стали возникать уже тогда (в основном по переработке леса). На три поселка был один медпункт и одна школа (в Лутовке). Совершенно не было культурно-просветительных учреждений.

Развитие и становление города началось только в советское время. В 1924 г. началось строительство государственного завода лесоперерабатывающей промышленности (Лесозавод I). В то же время закладывается рабочий поселок Дальлес. С 1930 года реконструируется бывший завод купца Бородина. Появились новые цеха, разнообразнее стала продукция, росла и техническая оснащенность завода. Но накануне пуска завода 12 июля 1933 г. враги сожгли его. Государственный убыток составил 11 миллионов рублей. В 1934 г. завод был отстроен вновь и оснащен новейшими механизмами. В 1925 г. был организован Уссурийский леспромхоз, а в 1931 г. он ликвидируется и на его базе создается Уссурийская сплавная контора, которая является одним из крупнейших предприятий лесной промышленности Приморского края.

Постановлением ВЦИК от I июня I932 г. возникшие на территории строительства Уссурийских лесозаводов населенные пункты Дальлес и Новостройка, а также прилегающие села Лутковка, Донское, Медведицкое и станция Уссури объединены в единый населенный пункт с отнесением его к категории рабочих поселков и присвоением ему наименования Лесозаводск. А постановлением от 2 февраля I938 г. рабочий поселок Лесозаводск преобразован в город Лесозаводск.

В I932 г. начинается строительство железнодорожного узла Рухино и железнодорожного поселка. К I936 году строительство в основном закончилось.

Так зарождался и рос Лесозаводск в предвоенные годы. Все, что было достигнуто в этот период, оказало большое влияние на дальнейшее развитие города. С каждым годом промышленность набирает темпы, растут и крепнут предприятия. Укрепляется и материально-техническая база сельского хозяйства. Большое развитие получил железнодорожный и автомобильный транспорт. За годы Советской власти неизмеримо вырос культурный уровень населения города.

Лесозаводск развивается быстрыми темпами. Лесозаводск - город с будущим.

К ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКЕ ("Дело Ф.Л. Чемеркина")

ДОРОГАНЬ Н.П.

Уссурийский государственный педагогический институт

Тема большевистского подполья Приморского края и Дальнего Востока не раз освещалась в научной литературе, достаточно упомянуть работы Л.И.Беликовой, А.И.Крушанова, Г.С.Куцего и др. Появляются все новые и новые статьи, книги, сборники воспоминаний.

Известно, что во время "царствования" Колчака и разгула атаманов Сибирь и Дальний Восток переживали страшные дни. Все было придавлено террором, люди разучились громко говорить, но сломить революционное движение, во главе которого стояли большевики, ничто не могло. В городах Приморья, в том числе и Никольске-Уссурийском, возникают подпольные группы, одной из задач которых является работа по разложению колчаковской армии, по разъяснению солдатам сущности происходящих событий и переводу их на сторону Советов.

Среди подпольщиков, работавших в частях гарнизона Н.-Уссурийска, Чемеркин Ф.Л., Устименко Д.Ш., Герасимчук Д., бывшие учителя, мобилизованные в апреле I9I9 г. в ряды "белой рати".

Проникнув таким образом по заданию штаба партизанского движения в солдатскую массу, они организовали подпольную военную организацию. Подпольщики распространяли партизанские воззвания, размножали листовки, помогали осуществлять побеги из концлагерей, собирали оружие. Организация была тесно связана с партизанским штабом, а ее деятельность была хорошо законспирирована; цель работы заключалась в подготовке условий для свержения власти Колчака. И работа дала бы гораздо более существенный результат, если бы не нелепая случайность. Провал произошел неожиданно - важная записка для штаба партизанского движения за подписью руководителей попала в руки контрразведки. Чемеркин, Устименко, Герасимчук были схвачены и брошены в застенки конно-егерского карательного полка. Последовали аресты и облавы, и все же части активных участников подпольного движения удалось скрыться в тайге. Что же касается схваченных руководителей, то после одиннадцати дней пыток и истязаний I7 июля I9I9 г. состоялась казнь-расстрел перед строем солдат 33-го Стрелкового полка для устрашения всех сочуствующих большевикам. Организация Чемеркина прекратила свое существование, но вскоре появилась первая ячейка новой организации, которая 26 января I920 г. вместе с партизанами возглавила восстание против интервентов и белогвардейцев. То есть цель,которую поставили перед собой руководители большевистского подполья гарнизона и партизанского движения весной-летом I9I9 г., была достигнута через полгода. Город был освобожден от интервентов. При занятии партизанскими войсками Н.-Уссурийского солдаты колчаковской армии, с оружием в руках, перешли на сторону восставших. Этому в немалой степени способствовала та работа, начало которой положил Чемеркин, Устименко, Герасимчук, а про-

должили оставшиеся в живых их боевые товарищи.

Мужество трех учителей, отдавших летом 1919 г. свои жизни за освобождение родного Приморья от белогвардейцев и интервентов, может служить славным примером для воспитания молодого поколения в духе беззаветного мужества и патриотизма.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПРИМОРЬЕ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1860-1917 гг.

МАЛИНОВСКАЯ Е.А.

Уссурийский государственный педагогический институт

Первые школы на Дальнем Востоке открылись в конце XVIII в. Это были миссионерские школы. В середине XIX в. появились школы на Амуре и в Уссурийском крае. Современники приходят к выводу: "Грамотность ничтожна до безобразия,... если оставить дело в таком положении, то всеобщей грамотности едва ли достигнем и через сотни лет". Вплоть до конца XIX в. надзор за народным просвещением в Приморье осуществляли полицейские и чиновники, организацией школ, фактически никто не руководил. На всем Дальнем Востоке не было вузов для подготовки учителей.

50% городского населения и до 70% сельского населения не знали грамотности. 0,8% всех ассигнований, отпущенных правительством, шло на народное просвещение.

Если рассмотреть состояние просвещения и образования в г. Никольске-Уссурийском, то положение здесь нисколько не лучше. На содержание полиции ассигнований шло в 5 раз больше, чем на народное образование. Накануне I-й мировой войны в городе проживало 2660 человек, учебных заведений было 18.

Во Владивостоке до 1878 г. работали 4 начальных школы и только в 1880 г. была создана 6-ти классная мужская гимназия. С 1889 г. во Владивостоке начинают строиться учебные заведения: Александровские мореходные классы. В 1899 г. открыт Восточный институт. Жалкое существование влачили Владивостокские школы, учебно-материальная база не удовлетворяла минимальных требований, так, отдельные классы помещались в подвальных помещениях. Не только на окраинах России, но и по всей стране царская политика препятствовала народному образова-

нию и просвещению.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОСЕЛКА РАЗДОЛЬНОГО В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ОБУХОВА Л.В.

Уссурийский государственный педагогический институт

История отдельных населенных пунктов является хорошим краеведческим материалом, который можно с успехом использовать на практике, в деле воспитания молодежи. Одним из моментов изучения истории края для меня стало изучение истории п.Раздольное. Летоисчесление поселка начинается с 1866 г. Раздольное сыграло важную роль в развитии регулярного водного сообщения в крае, которое было так необходимо для переселенческого движения, торговли и административных целей. Основоположником его явились рейсы парохода "Пионер". С ростом поселка и строительством Дальневосточной железной дороги возникла необходимость в строительном материале, и поэтому на территории поселка было построено два кирпичных завода: в южной части (1870 г.) и в районе вокзала (1900 г.) К 1917 г. Раздольное являлось уже сельскохозяйственным и промышленным центром. Здесь же находился крупный военный гарнизон. Раздольненский гарнизон имел немало ярких страниц в своей истории. Так, в нем служил будущий Герой Советского Союза С.М.Буденный.

Что касается политического развития, то следует отметить, что благодаря революционно-просветительской работе ссыльных революционеров (примером могут служить братья Кудиновы), основная масса населения была идейно подготовлена к событиям Октября. Сразу же после Февраля был создан Совет солдатских и крестьянских депутатов, начался выпуск пролетарской газеты. Однако, мирное развитие было прервано. 29 июня 1918 г. силами внешней интервенции и внутренней контрреволюции была свергнута власть во Владивостоке. Не счесть всех злодеяний, свершенных ими на территории поселка. Навсегда в памяти останутся события в ночь на 4 апреля 1920 г., когда были зверски убиты 19 красных комиссаров.

В годы гражданской войны была создана подпольная группа,

одним из руководителей которой был Т.А.Гаврилец. Но не суждено было интервентам покорить этот клочок Советской земли. И уже 17 октября 1922 г. раздольненский отряд самообороны вошел в родное село. С еще большим энтузиазмом взялись жители за восстановление народного хозяйства и повышение своего культурного уровня. Было построено две школы, одна из которых (школа № 6) построена при участии С.М.Буденного и ее будущего директора З.Г.Сойкиной. За период с 1924 по 1925 гг. были построены леспромхоз, медпункт, изба-читальня, клуб, оленесовхоз, ЫК, расстроились кирпичные заводы (выпуск кирпича превысил довоенный уровень в 5 раз).

Успехи послевоенного восстановительного периода явились основой того, что в настоящий момент поселок быстрыми и уверенными темпами шагает в будущее.

АНТОН САВЕЛЬЕВИЧ ОЛЕЙНИК (ТОПОРКОВ)

СЕНЦОВА Е.С.

Уссурийский государственный педагогический институт

Наиболее яркие страницы истории Приморья относятся к незабываемому времени рождения Советского государства. Бурные события этих лет донесли до нас немало славных имен, достойных памяти потомков.

К судьбам, рожденным революцией, принадлежит и судьба Антона Савельевича Топоркова. Подпольщик, командир партизанского отряда, впоследствии один из организаторов партизанского движения в Никольск-Уссурийском уезде, этот человек не зря прожил свою жизнь. Она интересна не только его близким, и может оказаться полезной многим из нас, отражая характерные черты времени прошедшего, но продолжающие волновать наши умы и сердца.

Судьба этого партизанского командира, одного из соратников легендарного Сергея Лазо, во многом типична.

Сын украинского крестьянина-бедняка, Антон Олейник до революции был далек от политики, сапожничал в Никольск-Уссурийских мастерских, затем служил на Камчатке, где в 1917 г. и началась его революционная деятельность.

Когда в 1918 г. Антона, прибывшего на конференцию председателей местных Советов в Хабаровск, арестовали белогвардейцы, он был уже человеком со сложившимися политическими убеждениями, коммунистом. Выйдя из тюрьмы, Олейник переходит на нелегальное положение, вновь работает сапожником в Никольске-Уссурийском, ведет постоянную подпольную работу, но вскоре, в связи с раскрытием революционной организации, с которой Антон был тесно связан, он вынужден покинуть город. Изменив, из соображений конспирации, фамилию, Антон Топорков присоединяется к партизанскому отряду Степаненко, где постоянно участвует в дерзких операциях, таких как разгром железнодорожных водокачек, налет на "Зеленый остров" - место гуляний белогвардейских офицеров. Не раз Антон находился на волосок от смерти. Но выдержка и находчивость, а иногда и просто случай спасали его от гибели.

Трудно сложилась дальнейшая судьба Антона Савельевича. Но при всех обстоятельствах он оставался на высоте и ничем не посрамил свое славное прошлое. В этой верности самому себе, принципам, выбранным однажды и навсегда, и есть, вероятно, сердцевина, суть Топоркова, достойного представителя сурового, но великого времени Революции.

II. ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АРХЕОЛОГИИ ПРИМОРЬЯ

БРОДЯНСКИЙ Д.Л.

Дальневосточный государственный университет

Первой собственно археологической работой по югу Дальнего Востока стала рукопись горного инженера И.А.Лопатина, проводившего в 1863 г. геологические изыскания в Приамурье. В этой рукописи приводятся, со ссылкой на Кунста, сведения о траншее (канаве), прорытой, по-видимому, на мысе Шелеха - это первые сведения о памятнике с каменными орудиями на территории Приморья. И.А.Лопатин привел и рисунки двух сосудов из этой траншеи.

В 1880 г. М.И.Янковский произвел первые раскопки раковинной кучи на мысе Туманном. Этот мыс - одно из многочисленных мест с раковинными кучами на полуострове, который теперь носит имя Янковского, как и открытая им археологическая культура. В опубликованной затем небольшой заметке содержится целый комплекс наблюдений. М.И.Янковский сразу отметил морскую ориентацию хозяйства, главным в котором считал собирание моллюсков и рыбную ловлю. Моллюски, по его мнению, составляли "насущный хлеб" этой культуры. Кости млекопитающих определил знаменитый И.Д.Черский, обнаруживший как диких: пятнистый олень, косуля, так и домашних животных: бык, собака. М.И.Янковский сопоставил раковинные кучи Приморья с датскими кьёккенмёддингами, высказал мысль о единстве путей развития человеческой культуры на берегах Тихого и Атлантического океанов.

Сегодня мы убеждены в том, что моллюски-устрицы - действительно были в этой культуре "насущным хлебом", хотя это не продукт собирательства, а более высокого уровня хозяйства, аквакультуры. Возможно, что большинство ракобинных куч мира, в том числе и датские, оставлены не собирателями. Сто лет для переоценки понадобилось не потому, что первым исследователям не хватило прозорливости. Изменился уровень научных представлений, накопилась новая информация, а, главное, в работу включились специалисты по аквакультуре. Но показательно то, что уже первые исследования были комплексными, в них участвовали зоологи, сто-

явшие у истоков отечественной археологии первобытного общества. Комплексность работ и сегодня остается одной из самых актуальных и далеко не полностью решенных задач.

Одним из таких зоологов, а также археологом и этнографом был И.С.Поляков, открывший Костенки под Воронежем, раковинные кучи на Сахалине и в Японии и поработавший в 1881 г. на п-ве Янковского и в заливе Посьета.

И.С.Поляков отметил лов лососевых рыб, сопоставил раковинные кучи в разных пунктах приморского побережья, отметил их единство, обилие шиферных и отсутствие ретушированных, собственно неолитических орудий. Он обратил внимание на различия орудий и фауны с раковинными кучами Сахалина, - памятниками, как известно сейчас, охотской культуры, первым обратился Поляков и к этнографическим, в данном случае, алеутским, аналогиям.

В 1884 г. раскопки на п-ве Янковского, но уже в другом месте, у м. Еринера, на крупнейшей раковинной куче продолжил В.П. Маргаритов, учитель, геолог, этнограф. Эти раскопки проводились на средства и по поручению только что созданного Общества изучения Амурского края, первого на Дальнем Востоке исследовательского учреждения. В.П.Маргаритов обнаружил и описал десятки артефактов и впервые для Дальнего Востока стал выделять типы вещей одного функционального назначения. Он заметил преобладание устриц, открыл остатки погребения, правильно оценил значение лагуны Лебяжьей в формировании памятника и попытался реконструировать геоморфологию побережья. Возраст культуры В.П.Маргаритов скорее угадал, но с удивительной прозорливостью и отнес его на 15 столетий раньше Бохая, т,е. к УШ-УП вв. до н.э.! Вслед за Янковским Маргаритов полагал, что поселения на берегу - сезонные. Аргументы и сама идея представляются ошибочными, но следует признать, что мы пока не располагаем точной методикой, которая позволила бы составить ясную картину функционирования одного и нескольких соседних поселений. Хронология ушла от стадии угадываний, а вот микрохронология на Дальнем Востоке еще не родилась.

В целом, работы М.И.Янковского, И.С.Полякова и В.П.Маргаритова в 1880-1885 гг. составляют I-й период в истории первобытной археологии региона, короткий, но продуктивный, вполне профессиональный, на хорошем исследовательском уровне своего времени. Они создали основу всего дальнейшего развития.

Ю.П.МЕДВЕДЕВ - ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АРХЕОЛОГ ВЛАДИВОСТОКА

Д.Л.ЕРОДЯНСКИЙ, В.В.ВИШНЯКОВА

Дальневосточный государственный университет

С сентября 1940 г. по июль 1941 г. в Приморском краевом музее им.В.К.Арсеньева работал археолог Юрий Петрович Медведев. В июле 1941 г. он ушел добровольцем на фронт (не подлежал призыву из-за сильной близорукости). Погиб 26 марта 1942 г. под Смоленском.

Ю.П.Медведев учился на музейном отделении института культуры им.Н.К.Крупской в Ленинграде. В 1937-1940 гг. под руководством О.Н.Бадера принимал участие в разведках и раскопках памятников бронзового века в бассейне р.Оки.

Памяти Ю.П.Медведева и еще нескольких молодых археологов, погибших на войне, О.Н.Бадер посвятил книгу "Балановский могильник".

Во Владивостоке Ю.П.Медведев приступил к обработке коллекций и созданию археологической экспозиции, сохранившейся до 60-х годов. Он предпринял первые разведки в канун войны в районе мыса Черепахи, где позднее А.П.Окладников исследовал огромное трехслойное поселение: неолит(зайсановский), янковская и кроуновская культура. Сохранился предварительный отчет Ю.П. Медведева. Исследования по неолиту планировались на 1941 г.

Война прервала эти первые для Приморья профессиональные работы, равно как и работы по Приамурью погибших А.В. Мочинского и А.М.Золотарева. Вынужденно краткая деятельность этих ученых - неотъемлемая часть истории дальневосточной археологии.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СКРЕБКОВ ЕНИСЕЙСКОГО ПАЛЕОЛИТА

БУРОВСКИЙ А.М.

Красноярский государственный педагогический институт

В настоящей работе рассматриваются скребки верхнепалео-

литических памятников Среднего Енисея – 2 и 4 слоев Кокорево I, Новоселово УI и УП, Кокорево П и Ш.Использовался также материал сборов, произведенных в I974/75 гг. на размываемых участках Новоселово УП(Абрамова, I979).

Для скребков каждого из памятников составлялся индивидуальный тип-лист, а затем сравнивались выделенные типы в инвентаре разных памятников.

22 из 351 скребка изготовлены на осколках и других случайных заготовках. Среди изготовленных на пластинах и отщепах 32 скребка – краевые; из 306 скребков с концевым рабочим краем только один вентральный и только 5 выполнено на проксимальном, а не на дистальном конце заготовки. 300 скребков из 35I (85,5%) представляют собой формы, объединяемые нанесением скребковой ретуши с дорсальной стороны отщепа или пластины, с обязательным использованием дистального конца.

I6 скребков из 300 представляют собой, случайные, не образующие серий единичные формы, не включаемые ни в одну из групп.

Остальные скребки могут разделяться на группы:

I. Концевые на пластинах. Многочисленны в обоих слоях КокоревоI, Новоселово УI и УП, единичны в Кокорево П, отсутствуют в Кокорево Ш.

2. Концевые на отщепах с лезвием дугообразной формы. Наиболее распространенный тип, встречаемый в инвентаре всех памятников.

3. Концевые на отщепах с прямым лезвием. Представлены только в коллекциях Новоселово УI и Кокорево П и Ш.

4. Угловатые скребки с ретушью по дистальному концу и одному из краев заготовки. Небольшие серии угловатых представлены в инвентаре всех памятников.

5. Трехсторонние из отщепов. Дугообразное лезвие охватывает конец и оба края укороченной заготовки. Представлены почти одинаковыми сериями (I0,9-I2,2%) в коллекциях всех памятников, кроме Кокорево П и 4 слоя Кокорево I.

6. Трехсторонние из отщепов со снятым ударным бугорком. Небольшие серии в коллекциях Кокорево П и Ш. Одно изделие из слоя 2 Кокорево I.

7. Трехсторонние на пластинах. Ретушь охватывает конец и оба края заготовки, но единого лезвия не образует (возможно, из-за удлиненности заготовки). Обработанный конец и края визуально отделяются друг от друга. Встречены только в Новоселово УП и в 4 слое Кокорево I.

8. Сегментовидные скребки – трехсторонние скребки из отщепов, ширина которых превышает длину. Отсутствуют в Новоселово УI, многочисленны в Кокорево Ш; представлены небольшой серией в инвентаре всех остальных памятников.

9. Скребки на небольших округлых отщепах, края и концы которых образуют почти правильную окружность. Ретушь охватывает I/2 периметра заготовки. Серия – в инвентаре НовоселовоУП, в коллекциях остальных памятников отсутствуют (Новоселово УI, Кокорево П, слой 2 Кокорево I), либо единичны (слой 4 Кокорево I, Кокорево Ш).

I0. Двойные скребки. Небольшие серии в коллекциях Новоселово УП и Кокорево П.

II. Обработанные по периметру. Отсутствуют в Новоселово УI, единичны в обоих слоях Кокорево I. Представлены сериями в коллекциях Кокорево П и Ш.

I2. Скребки с лезвием, которое выделено выемкой или сколом. Представлены в инвентаре всех памятников, кроме Новоселово УI.

Некоторые типы скребков (концевые на отщепах с дугообразным лезвием) в одинаковой степени свойственны инвентарю всех рассмотренных памятников.

Двойные, угловые, обработанные по полупериметру округлых отщепов немногочисленны, распределяются равномерно, не образуя значительных серий в инвентаре одного из памятников.

Распределение остальных типов позволяет группировать памятники вполне определенным образом. Для Кокорево П и Ш почти не свойственны концевые скребки на пластинах; представлены серией многосторонние на отщепах с выемкой на месте снятого ударного бугорка (отсутствующие или единичные в коллекциях других памятников); с прямым лезвием на отщепах.

Для обоих слоев Кокорево I и Новоселово УП характерны концевые и многосторонние скребки на пластинах.

Своеобразное место занимает Новоселово УI, по распределениям скребков на отщепах с прямым лезвием и обработанных по периметру сближается с первой, а по распределению концевых на пластинах – со второй группой. Вероятно, распределение этих

групп отражает культурно-хронологические особенности памятников енисейского палеолита.

ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ

ДРОЗДОВ Н.И.

Красноярский государс[illegible] институт

I. Открытые серии хорошо стратифицированных палеолитических [illegible]иков в Северной Азии и [illegible] геологических, палеогеографических, [illegible] и многих других источников послужили не только для выделения новых культур и их локальных вариантов, но и для корреляции палеолита обширных регионов. Часто корреляционые построения проводятся только на технико-типологическом уровне или же без выделения четких и надежных критериев, что приводит к субъективным и ненадежным выводам.

2. В последние годы [illegible] неоднократные попытки широких корреляций палеолитических культур Сибири, Дальнего Востока и Монголии, с одной стороны (проблема генезиса и распространения культур); Северо-Восточной Азии и Северной Америки, с другой (проблема первоначального заселения Америки); Алтая и Средней Азии, а также более отдаленных регионов Северной Азии, с третьей, (проблема первого человека в Сибири).

3. Наиболее часто и охотно исследователи [illegible] к корреляции позд. палеолитических памятников внутри самой Северной Азии. Таким примером может служить дискуссия по поводу выделения в палеолите Сибири трех культурных областей - южно-сибирской, средне-сибирской и северо-восточной. Здесь за основу взят географический фактор, который, естественно, не может отражать в себе многоплановую информацию, связанную в первую очередь с локальными вариантами уже выделенных сибирских культур. В позднем палеолите Сибири можно наметить четыре культурные [illegible] (переход к позднему палеолиту), дюктайскую, [illegible] афонтовскую (возможен вариант для афонтовской - "енисейской"), с[illegible]. [illegible] этих традиций могут быть [illegible] по территории и продолжительными по возрасту. [illegible] служить "дюктайской" традиции, которая [illegible]

позднепалеолитическими памятниками не только Сибири, но и Монголии, Кореи, Китая, Японии, Америки, где распространена бифациальная техника.

4. Решение фундаментальных проблем корреляции, как мы считаем, усугубляется:отсутствием: монографических публикаций (за некоторым исключением), опорных памятников, комплекса четких критериев выделения археологических культур, провинций и их локальных различий, надежных критериев оценок палеолитических памятников, единого классификатора артефактов, достоверных геологических и геохронологических датировок памятников, социальных и палеоэкологическо-экономических реконструкций.

В.К.АРСЕНЬЕВ И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ

В.И.ДЬЯКОВ

Дальневосточный государственный университет

I. Около 65 лет назад на совещании в Уссурийске В.К.Арсеньев впервые в истории Дальневосточной археологии поставил вопрос о сплошном обследовании территории. В качестве первоочередной задачи он видел описание древностей в границах бывшего Уссурийского края /Приморский и часть Хабаровского краев по современному административному делению/. Согласно его расчетам для такой работы требовалось: I6 квалифицированных исследователей, 34 тыс.400 рублей, I2 месяцев./В.К.Арсеньев, I922/.

2. Археология сегодняшнего дня призвана решить несколько большее число задач при повышенном уровне требований, чем во времена Арсеньева. Но все же в центре внимания были и остаются три узловых вопроса: периодизация, культурогенез, хронология. Каждый из них подразумевает решение общих и частных проблем, которое начинается с анализа источников. Степень доброкачественности источника /определяемого совокупностью объективных и субъективных факторов/, следовательно, в значительной степени предопределяет конечный результат. Отсюда - чем больше возможных вариантов выбора источников и чем точнее производит эту операцию исследователь, тем более вероятен высокий качественный показатель в решении задачи. Поэтому создание банка памятников и решение кадрового вопроса остается осново-

полагающей задачей археологической науки.

3. Есть ли в нашем распоряжении банк резервных памятников? Делая доклад, В.К.Арсеньев располагал данными о 224 памятниках, из которых лично им было обследовано 128. Общее расчетное количество их, по мнению исследователя, на указанной территории составляет около 2,5 тысяч. По официальным данным на сегодняшний день учтено 554 объекта /Хорев В.А., 1982/. Несколько десятков из [illegible] уже уничтожены природными и антропогенными факторами и таким образом входят в идеальный, а не реальный источниковедческий банк. Большое число памятников по разным причинам /переотложенность материала, отсутствие условий для четкой фиксаций комплексов, недостаточная или альтернативная информативность и др./ не может иметь основного значения, а только вспомогательное. Наконец, источники, если их измерять в единицах, очень неравномерно освещают разные периоды древней истории региона с амплитудой в крайних точках от 0 до 100. Это способствует, в соответствующих случаях, неоправданно длительному изучению малоинформативного объекта, отвлекает значительную часть сил и средств.

4. В.К.Арсеньев разведочные работы намеревался провести силами 16 специалистов. Названный ареал сейчас исследуют, главным образом, археологи 4 государственных учреждений: ИИФиФ СО АН СССР, ИИАиЭ ДВНЦ АН СССР, ДВГУ, УГПИ. Суммарное количество специалистов, объем финансирования - все значительно превышает арсеньевские циклы. Что же мешает поставить должным образом разведочные работы? Как это ни парадоксально, но все названные учреждения не в состоянии выставить 16 достаточно подготовленных исследователей. Так из 9 сотрудников ИИАиЭ ДВНЦ АН СССР, имеющих ученую степень и работающих в трех подразделениях этого НИИ, ведут самостоятельную полевую работу только 4. Если эти подсчеты увеличить за счет специалистов-практиков без ученой степени из тех же подразделений, то картина существенно не изменится. Аналогичное положение в ДВГУ, где из 4 археологов с учеными степенями полевые исследования ведет только 1. В других организациях ситуация не лучше.

5. По нашему мнению, решение проблемы упирается в кадровый вопрос. По разным причинам в археологию - науку развивающуюся, но уже достигнувшую уровня, требующего от исполнителя весьма разносторонних специальных навыков и знаний, пришла значительная группа без базовой и практической подготовки. Часть из них со временем приобретает определенные знания /иногда вместе с ученой степенью/ и, как правило, узкую специализацию. Это мало отражается на решении чисто академических задач в рамках определенных тем и направлений, но не позволяет выполнять на необходимом уровне задачи практические, к которым относится сплошное обследование территории с выявлением и многоплановой атрибуцией памятников разных эпох.

6. Принятие в СССР и РСФСР Закона "Об охране и использовании памятников истории и культуры" требует общего действия, направленного на выполнение его статей в амуро-приморском регионе Дальнего Востока. Необходимо приступить к проведению массовых разведочных исследований с фиксацией и паспортизацией наиболее значительных памятников. Пора на деле подключиться к к промышленному строительству в крае и регионе, выполняя задачи археологической службы, что прямо вытекает из требований Закона. Для реального выполнения задач необходимо решить кадровый вопрос уже не в количественном, а в качественном измерении. Возможно, следует просить компетентные органы рассмотреть вопрос о создании при Обществе охраны памятников небольшой группы из 2-3 энергичных людей со специальным образованием, полностью ориентированных на выявление памятников древней истории и культуры в местах новостроек.

КЛАССИФИКАЦИЯ ГАЛЕЧНЫХ ОРУДИЙ НЕОЛИТА В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КОНОНЕНКО Н.А.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

г. Владивосток

1. Каменный инвентарь, как исторический источник, содержит в себе многоплановую информацию, извлечение которой предполагает использование ряда аналитических приемов и методов исследования, в том числе классификации. Наиболее широко в археологии применяются классификации, базирующиеся на данных технико-морфологического изучения инвентаря. При этом "тип" как

основной аналитический компонент, рассматривается как совокупность вещей, сходных по форме, по основным техническим признакам и по предположительным функциям (Любин,1965).

2. Изучение орудий с позиций лишь формальных признаков не в состоянии раскрывать в полной мере их сущностную сторону, истинные функции. Исходя из сущностного содержания орудий, методом их анализа должно быть движение познания от функции к форме, что определяет значимость экспериментально-трасологического метода в археологии в целом и для классификации в частности. В совокупности с технико-морфологическим анализом метод вносит содержательно-объяснительный элемент в формальную классификацию. При этом появляется возможность рассматривать "тип" не как формальное понятие, а как содержательное, т.е. совокупность морфологических, технологических и функциональных признаков (Матюхин,1975).

3. Особое значение функционально-содержательный принцип определения типа приобретает при изучении галечных орудий, поскольку аморфность последних, связанная с характером исходных заготовок, и полифункционализм не позволяют использовать морфологические признаки для построения классификации. Разнообразные по формам и размерам гальки, используемые в качестве орудий без предварительной обработки, употреблялись в различных трудовых операциях, не обнаруживая, как правило, взаимосвязи между общей формой и функцией.

4. Исходя из данных трасологического анализа и учитывая технико-морфологические признаки для галечного инвентаря поселения Валентин-перешеек разработана функциональная классификация, сопровождаемая количественными показателями. Последние дали возможность выявить ведущие и второстепенные виды орудий, связанных с определенными отраслями и, соответственно, значимость этих отраслей в комплексном хозяйстве обитателей. Ведущими оказались орудия, связанные с добычей и обработкой минеральной краски: мотыги, песты, куранты, краскотерки. Небольшая часть изделий использовалась для обработки продуктов собирательства: куранты, терочные плиты, песты. Для изготовления орудий предназначались шлифовальные плиты, наковаленки, отбойники, отжимники-ретушеры, точила, выпрямители древков стрел. Среди галечных орудий оказались терочные плиты, песты, куранты, на которых дробились и растирались примеси для керамического теста. Из

более 700 мотыг оказалось 7 экз., использовавшиеся для землекопных работ(рытье котлованов для жилищ, хозяйственных ям и др. Часть галек использовалась для обработки шкур животных в качестве лощил.

Многочисленны грузила с двумя выемками. Конкретизация функций орудий и дифференциация их на категории по назначению существенно дополнили информацию о хозяйственно-производственной деятельности обитателей поселения.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА / 1917-1953 г. /

КЛЮЕВ Н.А.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Исследователи, изучающие советскую археологию, отмечают, что период ее становления длился до середины 30-х годов. Это было время выработки основных принципов марксистской концепции в области археологии. Происходили кардинальные изменения в организационной структуре научных учреждений, велась подготовка научных кадров, стоящих на позициях марксизма.

На юге советского Дальнего Востока вплоть до середины 50-х годов - времени образования Дальневосточной археологической экспедиции /ДВАЭ/ и Отдела истории, археологии и этнографии при Дальневосточном филиале АН СССР археологические работы велись отдельными краеведами или членами экспедиций центральных научных учреждений. Тем не менее, этот период развития археологии на юге Дальнего Востока СССР можно разделить на два этапа.

Первый этап длился до середины 30-х годов и характеризовался, как и в целом по стране, широким размахом исторического краеведения. Охрану и учет археологических памятников вели [illegible] краеведческие музеи Владивостока, [illegible], [illegible]. В тесной связи с ними вели свои исследования [illegible], А.И.Разин, Г.С.Новиков-Даурский и др.

Как и в дооктябрьский период в Приморье на этом этапе основное внимание уделялось изучению памятников янковской куль-

туры. Работы носили разведочный характер. Десятки памятников этой культуры были обнаружены А.И.Разиным, он открыл и ряд неолитических поселений /Зайсановка I, Олений I,II/.

На Амуре активно изучались памятники неолита /М.М.Герасимов, Е.Р.Шнейдер и др./.

В опубликованных в 20-е годы работах по археологической тематике был ряд новых моментов в характеристике янковской культуры Приморья. Однако, в целом, для исследователей этого этапа было характерно развитие традиционно сложившихся взглядов на пережиточный неолит этого региона страны. Высказанная Н.Г. Харламовым в 1928 году мысль о невозможности отнесения янковской культуры к каменному периоду дальнейшей разработки не получила.

Начало новому этапу развития археологии в Приморье и Приамурье положили работы академических экспедиций в середине 30-х годов.На Амуре в этот период работали А.М.Золотарев, Н.К. Болтенко и В.С.Андрианов, А.П.Окладников. Наиболее крупный объем исследований провел А.П.Окладников. Им было открыто около 200 археологических памятников, часть из них подверглась раскопкам. Полученные археологические материалы позволили А.П. Окладникову впервые с марксистских позиций наметить общую схему эволюции древней культуры народов Амура, начиная с эпохи неолита.Исследователем был выявлен высокий уровень развития, самобытность неолитических племен Амура.Опубликованные А.П.Окладниковым работы по итогам экспедиции 1935 года имели принципиальное значение, так как они нанесли серьезный удар по традиционно сложившимся в археологии представлениям о ходе исторического развития народов юга Дальнего Востока в эпоху первобытности. Большое влияние исследования А.П.Окладникова оказали на местных краеведов - Л.Н.Иваньева и Г.С.Новикова-Даурского, активно ведших на втором этапе разведочные работы в Приморье и Приамурье.

В период с 1917 по 1953 год был накоплен большой материал по первобытной археологии юга советского Дальнего Востока,тем не менее этот регион страны по существу оставался археологической целиной. Образование в 1953 году ДВАЗ открыло новый период в развитии археологии Приморья и Приамурья - период широкой реализации принципов историзма в археологических исследованиях.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА

КУЗНЕЦОВ А.М.

Уссурийский государственный педагогический институт

В течение последних лет получены принципиально новые материалы, которые показывают специфику перехода от палеолита к неолиту в некоторых районах Дальнего Востока. Так шлифованные орудия известны на юге Японии примерно с 30 тыс. лет назад, на Камчатке они использовались около II тыс.лет, керамика в южных районах японского архипелага появилась уже около I2 тыс.лет назад, а на Камчатке - только около 4 тыс.лет. Даты в 7 тыс.лет получены для неолитических комплексов Приморья и соседних с ним районов. Новые факты заставляют снова обратиться к проблеме периодизации каменного века региона, так как возникла необходимость уточнения критериев неолита и снова встает вопрос о существовании мезолита региона. Для решения поставленных вопросов необходимо рассмотреть динамику развития технико-типологических характеристик инвентаря отдельных районов Дальнего Востока. Это позволит выяснить характерные черты позднепалеолитических комплексов, условия и характер появления неолитических элементов в переходных комплексах и конкретизировать понятие неолита. Отсюда уже лежит путь и к решению проблемы мезолита, который понимается как особая эпоха между палеолитом и неолитом, характеризующаяся особыми приемами обработки и формами инвентаря.

Юг Японии. Начальная пора позднего палеолита характеризуется орудиями из галек /в том числе и со шлифовкой/ и отщепов. Затем по мере развития подпризматической техники увеличивалось количество орудий на пластинчатых заготовках. В комплексах среднего этапа позднего палеолита появились скребки, резцы, острия, пластинки с притупленным краем. К концу плейстоцена здесь на короткое время появились трапецевидные орудия, распространилась микропластинчатая техника; снова изготовлялись орудия из галек и крупные двусторонне обработанные изделия. Около I2 тыс. лет появились небольшие черешковые наконечники и керамика. После I0 тыс. лет на южных островах распространились комплексы дзе-

монской общности с керамикой, шлифованными и ретушированными орудиями.

Север Японии. Ранние памятники дают подпризматическую технику и орудия из пластин и отщепов. Около 17 тыс.лет увеличилось число орудий из пластин и появилась микропластинчатая техника. Примерно 15 тыс.лет назад распространяются двусторонне обработанные изделия и поперечные резцы. Финал плейстоцена ознаменован появлением микропризматической техники, небольших наконечников из пластин и с черешками. Керамика и шлифованные орудия на севере известны с 8 тыс.лет назад.

Приморье. Начальная стадия позднего палеолита представляет подпризматическую технику и орудия из гелек. Позднее широко используются пластины, из которых изготовлялись скребки, острия, различные резцы, двусторонне обработанные орудия, в том числе и тесла, появилась микропластинчатая техника. Комплексы конца плейстоцена и раннего голоцена характеризуются подпризматической и микропластинчатой техникой, основанной на использовании клиновидных и микропризматических нуклеусов; различными орудиями, среди которых уже и небольшие наконечники. 7 тыс.лет назад в Приморье наблюдаются комплексы с керамикой, шлифованными и ретушированными орудиями.

Приамурье. Начало позднего палеолита дает подпризматическую технику и галечные орудия. Финал плейстоцена – ранний голоцен характеризуется микропластинчатой техникой, орудиями из пластин, двусторонне обработанными наконечниками. В здешних и полтавских этого района существовали яркие культуры с керамикой, шлифованными и ретушированными, пластинчатыми орудиями. Иногда в них сохранялась призматическая и микропластинчатая техника.

Камчатка. 14-13 тыс.лет представлены различные двусторонне обработанные орудия, в том числе небольшие черешковые наконечники, скребки и шлифованные подвески. 11-10 тыс.лет – наблюдаются микропластинчатая техника, двусторонне обработанные изделия, изделия из пластин и шлифованные орудия. Сходные комплексы существовали и в раннем голоцене. Позднее получила распространение призматическая техника, орудия из пластин и двусторонне обработанные наконечники. Керамика появилась около 4 тыс.лет в комплексах с ретушированными и шлифованными орудиями.

На Сахалине, Чукотке и в Корее палеолит изучен недостаточно, поэтому эти районы не рассматриваются.

Таким образом, на юге Дальнего Востока поздний палеолит характеризуется подпризматической и микропластинчатой техникой, орудиями из пластин позднепалеолитического комплекса и двусторонне обработанными формами. Техника первичного расщепления мало менялась, но быстро развивалась микропластинчатая техника. Несмотря на появление шлифованных орудий в характерном позднепалеолитическом контексте, о переходе к неолиту здесь можно говорить лишь с рубежа плейстоцена-голоцена, а о сформировавшемся неолите – только с раннего голоцена. Переход от палеолита к неолиту на юге Дальнего Востока прошел достаточно быстро, мезолит как особая эпоха не проявился. На севере региона поздний палеолит изучен слабее, но прогрессивные черты в каменном инвентаре также возникли достаточно рано. Ранний голоцен дает здесь призматическую технику, не получившую распространения на юге. Неолит оформился также достаточно поздно. Поэтому для севера региона можно говорить о своеобразии комплексов раннего голоцена и выделять здесь мезолит. Материалы по Дальнему Востоку показывают, что критерием неолита является комплекс характеристик инвентаря, включающий появление керамики, шлифованных и ретушированных с двух сторон изделий, а не один какой-либо признак. Кроме того, имеющиеся данные позволяют утверждать, что в этом регионе переход к мезолиту и неолиту проходил параллельно.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УГПИ

КУЗНЕЦОВ А.М., МЕРЗЛЯКОВ А.В.

Уссурийский государственный педагогический институт

Южно-Приморская археологическая экспедиция создана на базе УГПИ в 1977 г. Её основная задача заключается в исследовании памятников каменного века и реконструкции основных проблем культурного развития края плейстоцене и раннем голоцене. В 1977 году проведена разведка в долине р.Илистой, где зафиксирована серия памятников каменного века. В ходе разведки выявлены 3 небольшие стоянки в районе с.Халкидон, многослойный памятник в устье р.Абрамовка и стоянка Илистая 2, между с.Ля-

личи и Ивановка. На этих памятниках найдены небольшие нуклеусы, клиновидные нуклеусы, продукты их расщепления, резцы, скребки, двусторонне обработанные наконечники. Особенности инвентаря этих стоянок позволяют датировать их рубежом плейстоцена-голоцена. На Абрамовке I представлены также слои средневековья и эпохи бронзы. В 1978 г. проводились раскопки на стоянке Илистая I и Тимофеевка I. В ходе раскопок Илистой I вскрыта площадь около 200 кв.м. и получена большая коллекция изделий из камня и немного керамики. Каменный инвентарь включает галечное сырье, подпризматические и клиновидные нуклеусы, продукты их производства. Небольшая коллекция орудий включает двусторонне обработанные наконечники и более крупные бифасы, ретушированные пластины, листовидные острия, скребки, различные резцы, а также несколько уложенных круглых шлифованных подвесок с биконическими отверстиями. Часть керамики относится к средневековому комплексу, очевидно, бохайского времени, другая к эпохе палеометалла. В 1979 г. раскапывалась многослойная стоянка Горбатка 3, расположенная неподалеку от Илистой 1. Площадь раскопок составила 160 кв.м. На этом памятнике первоначально выделены 2 культурных комплекса. Верхний, богатый материалом, дал каменный инвентарь, сходный с изделиями Илистой I. Кроме того в одном слое с ранними изделиями залегали шлифованные орудия и большое количество керамики. Этот материал рассматривался как единый комплекс, датированный ранним неолитом. Нижний комплекс составлен небольшой коллекцией изделий из камня, включающей галечное сырье, подпризматические и клиновидные нуклеусы, продукты расщепления, двусторонне обработанные орудия, а также скребки и резцы. Этот комплекс можно датировать концом плейстоцена. В этом сезоне продолжены также раскопки Тимофеевки I. В 1980 г. в район работ экспедиции включена долина р.Арсеньевки. В ходе разведки открыта стоянка Рославка, давшая керамику, украшенную бурской плетенкой. Продолжались раскопки Тимофеевки I, общая площадь вскрытого участка стоянки достигла 100 кв.м. Здесь получена коллекция каменного инвентаря, сходного по облику и условиям залегания с поздним комплексом Горбатки 3 и ранним комплексом Илистой I. В слое также представлено немного керамики. В 1981 г. исследовалось поселение Ратное I. Здесь вскрыто двухкамерное жилище площадью 12 кв.м., в котором получен керамический комплекс, аналогичный керамике Горбатки 3 и небольшое количество шлифованных орудий и отщепов. Этот материал датируется эпохой бронзы. Затем проведена разведка по Хасанскому району, в ходе которой открыты жилище эпохи бронзы и стоянка рубежа плейстоцена-голоцена в районе с.Гвоздево. У с.Зайсановки найдена неолитическая стоянка, с керамикой, украшенной гребенчатыми и штамповыми орнаментами, костяными изделиями, шлифованными и ретушированными орудиями. Культурный слой содержал также раковины морских моллюсков, кости животных и рыб. Результаты раскопок РатнойI показали, что на Горбатке 3 следует выделить комплекс эпохи бронзы. Поэтому для уточнения стратиграфии памятника здесь проведены раскопки в 1982 г. Вскрытый участок, площадью 32 кв.м.,показал,что материал эпохи бронзы перемешан в одном слое с более ранним материалом, который следует теперь датировать рубежом плейстоцена-голоцена. Разделение материала этих комплексов возможно только сравнительно-типологическим методом. Всего же на этом памятнике представлены 3 комплекса: эпохи бронзы, рубежа плейстоцен-голоцена и конца плейстоцена. В 1983 г. проводилась разведка в бассейне р.Раздольной. Материал был зафиксирован в основном на вершинах небольших сопок и останцев базальтового плато. Около с.Борисовка собран материал, сходный с инвентарем памятников конца плейстоцена или раннего голоцена. Керамика с гребенчатыми отпечатками найдена на средневековом городище у с.Чернятино. Серия стоянок Константиновка I, Борисовка 2, Лысая сопка, относятся к железному веку. В 1984 г. полевые работы проходили в долине р.Партизанской и прилегающему участку морского побережья. Около с. Волченцы собрана большая коллекция материала, относящегося к эпохе бронзы и неолиту. Несколько стоянок Алексеевская I,2,Литовка I,2 - можно датировать железным веком. Таким образом, в результате работ Южно-Приморской археологической экспедиции открыта серия новых памятников каменного века, железного века и средневековья. Исследованные памятники каменного века позволили поставить вопрос о существовании различий инвентаря в памятниках, относимых к устиновской культуре и существовании в Приморье новых культур неолита. Изучены кратковременные памятники, расположенные на больших высотах. Эти данные существенно

дополняют первобытную археологию края.

ПРОБЛЕМЫ РУДНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИМОРЬЯ

САПУНОВ Д.А.

г.Артем

I.Работами А.П.Окладникова, Г.И.Андреева, Д.Л.Бродянского, В.А.Татарникова, В.И.Дьякова, А.М.Кузнецова исследованы памятники раннего неолита в С.-В. Приморье /Рудная Пристань/ 1953,1955, 1982-1985 гг./, Моряк-Рыболов /1959 г./, Чертовы Ворота /1972,1973 гг.- ранненеолитические слои / и в приханкайской низменности /Осиновка/ 1953,1955 гг./ - неолитический слой, Сиротинка /1970,1979 гг./, Березянка /1970 г./, Петровичи/1975 г./ - неолитический комплекс, Рославка /1981 г./.

А.П.Окладников впервые указал на близость материалов континентального /Осиновка/ и С.-В. Приморья /Тетюхе - совр.Рудная Пристань/ и отмечал высокий уровень "культуры Северных, тетюхинских племен" /1959/.Прежде всего в этом же смысле, впоследствии употреблял термин "тетюхинская культура" А.П.Деревянко /1973,1976 гг./. Подразумевая названные памятники, В.И. Дьяков использовал новое географическое название "предложенного" А.П.Деревянко определения культуры, называя ее руднинской. На наш взгляд, правильнее вкладывать в понятие руднинская культура первоначальный смысл этого термина, впервые примененного А.П.Окладниковым и А.П.Деревянко и относить к этой культуре лишь памятники С.-В. Приморья. Памятники ханкайского бассейна отличаются от руднинских прежде всего своей керамикой /формой сосудов, зональностью орнаментации, видами орнамента/, что не позволяет отнести их непосредственно к руднинской культуре.

2. Керамика культуры характеризуется преобладающим использованием геометрических штампов для нанесения узора, сочетающегося с прочерченными линиями, гребенчатыми штампами, отпечатками шнура, гребенок. Сосуды с таким орнаментом имеют, как правило, прямой / уплощенный, округлый/ венчик, украшенный наклонными в плане вдавлениями шнура, гребенки, часто - проч-

черками. Технология изготовления керамики практически не изучена. К каменным материалам культуры, вероятно, следует также относить типичные изделия из традиционного сырья - кремнистого сланца.

3. Серия радиоуглеродных дат для жилища Чертовых Ворот /5 тыс.лет до н.э./ удревнила первоначальную датировку культуры /3 тыс. до н.э./. Однако, планиграфические наблюдения В.А.Татарникова, отмечавшего различия материалов жилища и остального пространства, для которого свойственна керамика с узорами "амурская плетенка", найденная в жилище в сильно фрагментированном состоянии /1976 г./, не позволяют связывать полученные для Чертовых Ворот даты с комплексом руднинской культуры памятника. Большинство материалов жилища относится к комплексу зайсановской традиции, продвижение которой на С.-В. Приморье происходит не ранее 2 тыс. до н.э. Удревнение этих находок в Чертовых Воротах археологическими данными не подтверждается.

Многолетние исследования на Рудной Пристани показали, что неолитические ранние жилые комплексы перекрыты на поселении зайсановскими отложениями. На памятниках зайсановской традиции Ю.Приморья, С.Кореи встречена керамика и отдельные каменные изделия, близкие материалам памятников ханкайского бассейна. Такая керамика, обнаруженная на памятниках Заречье I, п-ва Янковского, Сопхохан II /отдельные фрагменты, сосуд/, вероятно, лежит в основе орнаментации отдельных сосудов Зайсановки I /Х-образные вдавления,/, Кировского, Оленьего I /прочерченная сетка/. Исследования близких зайсановским материалов Манчжурии, Кореи, Японии позволяют утверждать, что для Приморья эта традиция пришла и впервые появляется в южной области края не ранее 3 тыс. до н.э.. Этим временем можно датировать также и ранние руднинские комплексы в В. и С.-В.Приморье.

4. Наиболее проблематичен вопрос о происхождении культуры. Сравнивая Рудную Пристань с неолитом Нижнего Амура/Кондон/ А.П.Окладников объяснял близость их материалов возможно "длительным соседством племен", либо "происхождением от одних предков"/1959 г./. Развивая его идеи, В.И.Дьяков предложил гипотезу "протокондонской культуры". На наш взгляд, есть все основа-

ния считать, что формирование рудинской культуры проходило в пределах ханкайского бассейна. Более ранний возраст памятников этого района подтверждается серией радиоуглеродных дат/Синкайлю, 5 тыс.до н.э./ и существенными отличиями материалов. С развитием и южным распространением ханкайской культуры и связано появление рудинских комплексов в 3 тыс. до н.э. на вост. и сев.-вост. побережье края, южные районы которого оказались занятыми носителями зайсановской культуры.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

СТЕПАНОВ С.Г.

Красноярский государственный педагогический институт

Главным при изучении археологических культур является вопрос о периодизации. Решение этого вопроса, т.е. вопроса о конкретной форме развития неолита Северного Приангарья, всегда было затруднено. Невозможность выявления каких-либо стратиграфических закономерностей и отсутствие однослойных чистых комплексов или многослойных хорошо стратифицированных памятников делают необходимым построение хронологической схемы на типологической основе. Такова схема, основанная на материалах неолитических погребений, которая была создана А.П.Окладниковым для всего Прибайкалья ещё к 50-м годам. С тех пор эта схема не перестает интересовать ученых-археологов, хотя и претерпела ряд изменений.

Влияние неолитического Прибайкалья, мощного культурного региона Азии, действительно распространялось достаточно далеко, что вместе с тем отнюдь не означало нивелированности общей картины развития событий в древней истории Восточной Сибири в эпоху неолита.

Периодизация неолита Прибайкалья не учитывает особенностей района Северного Приангарья и является неприемлемой. А.П. Окладников еще в 30-х годах отмечал особенности этой территории, как буфера между неолитическими культурами Западной Сибири с одной стороны и культурами Прибайкалья и Якутии с другой.

Более приемлемым, на наш взгляд, является деление эпохи неолита Северного Приангарья на три периода: ранний, средний

и поздний. Это более простое деление является в то же время и более универсальным.

Ранний комплекс неолита начал формироваться на основе местных мезолитических культур порядка 6 тыс.лет до н.э. На рубеже 5-4 тыс.лет до н.э. он сменяется эпохой среднего неолита, продолжающейся около тысячелетия.

А появление металла в конце 2 тыс. до н.э. ознаменовало переход от позднего неолита к культурам эпохи металла.

Основным датирующим материалом, для эпохи неолита является керамика. Древнейший пласт керамики Северного Приангарья - это так называемая "сетка-плетенка", Сосуды этого типа распространены повсеместно по Ангаре от истоков до устья.

В это время, а особенно в эпоху среднего неолита, начинает сказываться влияние культур Западной Сибири. В первую очередь оно выразилось в распространении в Приангарье ямочно-гребенчатой керамики. Меняется и форма сосуда - от параболоидной с острым дном приближается к круглодонной яйцевидной форме. Наиболее развиты формы гребенчатого орнамента в эпоху позднего неолита.

Появляются и новые формы керамики. В первую очередь эта керамика так называемого "посольского типа", распространившаяся широким пластом от Байкала до бассейна среднего течения реки Енисей.

В эпоху позднего неолита прослеживается и влияние культур Якутии. Оно выразилось в проникновении керамики Ымыяхтахского типа. Интересным является тот факт, что на ряде сосудов со стоянок Северного Приангарья мы наблюдаем синтез Ымыяхтахских узоров и характерны признаки "посольской" керамики.

Нельзя, конечно, сводить всю историю неолита только к истории керамики. Хотя эволюция каменного инвентаря далеко не так показательна, но и он играет свою роль в решении вопроса о периодизации эпохи неолита.

Неолитические племена Северного Приангарья, будучи пешими охотниками, вели полуоседлый образ жизни, который характеризовался сезонными перекочёвками, главным образом с миграциями основных объектов охоты. Перекочёвки, очевидно, происходили на ограниченной, хотя и достаточно обширной территории.

Основными объектами охоты являлись лось, северный олень, медведь, боровая птица, реже мелкие грызуны. Ни о каком зарож-

дении производящих типов хозяйства на протяжении эпохи неолита мы говорить не можем. Их отсутствие связано с суровыми природными условиями и огромными естественными богатствами сибирской тайги.

Почти все стоянки Северного Приангарья расположены в наиболее удобных для жизни местах, которыми являлись приустевые участки рек, впадающих в Ангару. Судя по расположению культурных остатков, которые группируются на небольшой площади вокруг очагов, и отсутствию в слоях искусственных углублений, связанных с конструкцией жилищ, можно считать, что древние ангарцы жили в наземных каркасных жилищах типа тунгусского чума.

Большое количество наскальных рисунков, в какой-то мере, проливает свет на духовный мир неолитических охотников. Одним из важнейших элементов их верований был культ животных, особенно лося, часто изображавшегося на ангарских писаницах.

Население Ангары, пришедшее на смену охотникам и собирателям эпохи палеолита и мезолита, усвоило их лучшие традиции и достижения и сделало качественно новый шаг в общем поступательном развитии человеческого общества.

К ПРОБЛЕМЕ МЕЗОЛИТА ПРИМОРЬЯ

ТАРАСЕНКО В.Н.

Уссурийский государственный педагогический институт

При анализе материала, полученного при раскопках памятника Устиновка-I, А.П.Окладников пришел к выводу, что "весь набор каменных изделий так же как и техника их оформления, резко своеобразен и не имеет аналогий в неолитических памятниках Дальнего Востока и соседних территорий". Учитывая, что в Приморье есть памятники явно более ранние, чем Устиновка и отмечая сходство ее инвентаря с некоторыми докерамическими комплексами Японских островов, для которых характерны изделия из широких и длинных пластин и обширные серии клиновидных нуклеусов аналогичные устиновским, датируемым в Японии временем в пределах I7-I2 тыс.лет тому назад, А.П.Окладников пришел к заключению, что поселением в Устиновке представлена мезолитическая эпоха Приморья.

С открытием на территории Приморья ряда новых докерамических памятников, имеющих сходство в материале с Устиновкой (Слений-I, Фирсанова сопка) образовалась Устиновская мезолитическая культура. Но данная культура была выделена только на чертах сходства техники расщепления и некоторых форм орудий.

Имеющиеся различия в материале не принимались во внимание. Основное внимание при изучении этой культуры уделялось вопросам о времени ее появления и ее значения для понимания исторического места в цепи движения древнего человека на север и освоения островов.

Таким образом, в настоящее время Устиновская мезолитическая культура является аморфной, поскольку не имеет четких типологических рамок, а ее основные признаки распространены по всей территории Дальнего Востока. Проблематичен также и сам мезолит Приморья, так как в Устиновке открыт нижний слой, материал которого близок материалу верхнего культурного слоя.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИМОРЬЯ

/по результатам разведки 1984 г./

ТАТАРНИКОВ В.А.

Дальнегорское отделение Географического общества СССР

Археологическая изученность северо-восточного Приморья до настоящего времени остается весьма слабой. Если отдельные участки морского побережья обследовались несколькими экспедициями /В.И.Дьяков, В.А.Татарников/, то участок между р.Серебрянкой никем после экспедиций В.К.Арсеньева 1906-1907 гг.не изучался. Основной задачей археологического отряда Дальнегорского отделения Географического общества СССР было как можно более подробно изучить данный участок, обследовать средневековые городища, найденные ранее В.К.Арсеньевым и обнаружить новые археологические памятники.

В ходе экспедиций было обнаружено 20 древних стоянок, 2 средневековых укрепления и 5 городищ, осмотренных В.К.Арсеньевым в 1907 г. На всех памятниках была произведена шурфовка с целью выявления культурного слоя. Почти все археологические памятники приурочены к устьям рек, впадающих в Японское море.

Из наиболее интересных памятников можно выделить следующие.

Стоянка Ключ 2-й. Расположена в 1,5 км к югу от устья р. Соболевки, на левом берегу небольшого ключа, на 5-7 м. террасе, в 60 м. от моря. В культурном слое обнаружены фрагменты лепной керамики, обломок ретушированного наконечника из обсидиана и фрагмент сильно коррозированного изделия из железа.

Стоянка Ключ 3-й. Находится в 60 м. к югу от стоянки Ключ 2-й, на 5 м. террасе. В культурном слое найдены фрагменты лепной керамики, грузило из гальки и 5 "мяблихе", изделий из галек с одной выемкой.

Стоянка Усть-Максимовка. Расположена в 80 м.от левого устья р.Максимовки, на пойменной террасе левого берега реки. В обрезе дороги, пересекающей террасу, обнаружен культурный слой с большим количеством керамики мохэского типа. В центре культурного слоя,протяженность которого 22 м., обнаружен очаг. По-видимому, на стоянке было только одно большое жилище размером 22 х 10 м., которое и пересекла дорога.

Стоянка Ключ Дедушкин 2. Расположена в 0,5 км. к северо-западу от кл.Дедушкиного, на одной из сопок высокого отрога - водораздела между ключами Дедушкиным и Долгановым. На стоянке выявлено около 30 небольших западин, огражденных с пологой стороны валом. В одной западине найдены фрагменты лепной керамики, отщепы из опала и халцедона и несколько опаловых галечек. Эта стоянка связана, вероятно, с древними шахтами по добыче опала, расположенными на этом же водоразделе.

Стоянки Ключ Изюбриный 1,2. В 6,5 км. к югу от мыса Александра впадает в море небольшой ключ, в устьевой части которого с обеих сторон тянутся террасы высотой 8-10 м. В обрывах террас обнаружен культурный слой, связанный с двумя памятниками - Ключ Изюбриный 1, слева от ключа, Ключ Изубриный 2, справа, против первого памятника. На стоянке Ключ Изубриный 1,найдены - шлифованный нож, полулунной формы со сквозным биконическим отверстием, кремневые отщепы и фрагменты лепной керамики. На стоянке Ключ Изюбриный 2 - фрагменты лепной керамики и обломок шлифованного изделия из опала.

Стоянка Великая Кема 1. Расположена на скалистой сопке в 1, 5-2 км. от устья р.Кема. Вдоль сопки проходит искусственно сделанная горизонтальная терраса, длиной 20 м. и шириной до 10м.

Шурф, заложенный на террасе, выявил наличие культурного слоя, содержащего смешанный материал - средневековый и более ранний.

Стоянки Таежная 1-3. В среднем течении р.Таежной, на дороге Малая Кема - Терней, недалеко от моста через р.Таежную, обнаружено 3 памятника. На поверхности собран подъемный материал, состоящий из изделий, сделанных из светлого вулканического туфа. Найдены - бифас, массивные нуклеусы, скребло, пластины, отщепы. Материал этих стоянок близок памятникам устиновской культуры.

Стоянка Терней 1. Обнаружена вблизи въезда в п.Терней, на правом берегу р.Устиновки./правый приток р.Серебрянки/. На поверхности невысокой террасы видны слабовыраженные западины,диаметром до 8 м. Материал этого памятника относится к лидовской культуре эпохи бронзы.

Определенный интерес имеют и укрепленные городища - Единское, Оазис, Утесное, Кемское 1,2. Материал/керамика/ этих городищ/кроме Единского и Оазис, где ничего не найдено/, резко отличается от материала укреплений, известных ранее с этих мест.

Почти все обнаруженные памятники имеют хорошую сохранность культурного слоя и перспективны для дальнейших раскопок. Археологическое изучение северо-восточного Приморья следует продолжить, причем основное внимание следует уделить долинам рек.

МЕЗОЛИТ БАЙКАЛА

ШЕЛГУН П.Е., ГОРЮНОВА О.И.

Иркутский государственный университет

Проблема переходного периода от палеолита к неолиту в Сибири впервые поставлена на основе изучения байкальских материалов с многослойного поселения Улан-Хада, открытого Б.Э.Петри в 1912 г. (Петри, 1913, 1926). В 50-60-е гг. в сибирской археологии вокруг этой проблемы развернулась дискуссия (Окладников, 1950; Хлобыстин, 1965 и др.), окончившаяся обоснованием сибирскими археологами концепции мезолита и выделением на материалах Приангарья его последовательных стадий (Медведев и др., 1975;Аксенов, 1970; Свинин, 1966). Находки мезолитических

памятников носили эпизодический характер.

Планомерные, систематические исследования мезолита на Байкале начались в 70-е гг. отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского Госуниверситета. Изучение памятников проводилось на новой, комплексной основе с широким привлечением данных естественных наук (геологии, палеопедологии, палинологии и радиокарбоновых анализов).

В настоящее время на побережье Байкала выявлено 24 мезолитических местонахождения в основном концентрирующихся в районе Приольхонья и Северного Байкала. Раскопочные работы проведены на 12 памятниках.

На основе корреляции и синхронизации мезолитических комплексов Байкала предлагается следующая периодизация:

Ранний этап (? - 10 тыс.л.н.) - Ш горизонт Курла I, Курла II и Ш.

Средний (10 - 8 тыс.л.н.) - II горизонт Курла I, Ш горизонт Курла IУ, УШ горизонт Берлоги, Усть-Баргузин.

Поздний (8-7 тыс.л.н.) - Сарма, Лударская I, IX-УП горизонты Итырхея, XI-УШ горизонты Саган-Нугэ, Кодовой.

Финальный (7-6,5 тыс.л.н.) - XI горизонт Улан-Хады, УП-УI горизонты Саган-Нугэ, УП-УI горизонты Берлоги.

По облику каменной и костяной индустрии комплексы мезолитических памятников Байкала аналогичны Приангарским и входят в ареал Верхоленской мезолитической культуры Прибайкалья. Некоторые отличия, выявленные в финальном мезолите Байкала, видимо, носят локальный характер.

Намеченная схема периодизации мезолита Байкала требует конкретизации и подкрепления дополнительным материалом. Для этого необходимо расширить районы исследования по всей территории Байкала и усилить целенаправленные поиски ранних комплексов мезолита.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ - ГЕОЛОГОГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ЯМСКИХ А.Ф.

Красноярский государственный педагогический институт

Известно широкое распространение на юге Приенисейской Сибири стоянок древнего человека, открытие которых началось сто лет назад со стоянки "Афонтова гора", на Енисее М.Т.Сеженским.

Сейчас известны многие десятки палеолитических стоянок, расположенных от верховий Енисея, начиная с Тувинской котловины до среднего его течения, включая Приангарье. Местонахождения неолитических стоянок охватывают практически всю Приенисейскую Сибирь. Стоянки - как палеолита так и неолита обнаружены как в относительно выравненных территориях межгорных котловин, и в антецедентных долинах горных районов. Палеолитические стоянки располагаются на самых различных геоморфологических уровнях - от 15-18 метровой террасы до уровня в 70-80 метров и выше, вплоть до 130-метровой террасы. Абсолютное большинство культурных горизонтов палеолитических стоянок заключено в "покровных отложениях" террас и делювиальных шлейфов, представленных преимущественно лессовидными породами.

Анализ географического положения палеолитических стоянок свидетельствует о том, что человек устраивал поселения в местах, удобных для охоты - на пограничных участках различных в палеоландшафтном отношении территорий. Наиболее яркими в этом отношении являются стоянки "Малая Сыя", "Шленка", "Афонтова гора", "Майнинская", "Лиственка" и другие. Это обусловлено не только возможностью охоты на путях миграции диких животных, но и обеспечением пищей в различные сезоны года, когда человек мог охотиться то на лесных представителей, то на животных открытых пространств. Поэтому на стоянках обнаруживаются костные остатки экологически разнородных фаунистических комплексов (Н.М.Ермолова, А.Ф.Ямских, 1984).

На основе высокого гипсометрического положения палеолитических стоянок, анализа динамики накопления толщ, слагающих террасы, выявлено, что периодически проявлялись высокие подъемы уровней рек, вынуждавшие человека на многих участках долин селиться высоко над рекой.

Накопление т.н. "перигляциального" аллювия ледниковых террас происходило длительное время, не ограничивалось ритмом межледниковье - ледниковая эпоха, а продолжалось в следующие ритмы изменения климата - в интерстадиалы и ледниковые эпохи.

Эти выводы подтверждены комплексом палеогеографических исследований с применением методов абсолютного датирования (А.Ф. Лисских, 1984).

Выбор конкретного геоморфологического положения стоянок определялся, прежде всего, благоприятными условиями охоты, а также другими экологическими факторами.

Выявленная особенность палеогидрологических процессов и изучение конкретных палеоландшафтных условий открытых стоянок позволило нам, начиная с 1970 года, применить геоморфолого-палеоландшафтный метод в прогнозировании местонахождения палеолитических стоянок, перспективность которого была подтверждена совместными работами с археологом Астаховым С.Н. на многих участках долины Енисея.

Неолитические стоянки занимают разнообразное геоморфологическое положение, что связано с изменением физико-географической обстановки и приспособлением человека к ним.

Следует отметить наличие в Приенисейской Сибири многослойных стоянок, приуроченных к низким террасовым комплексам. Культурные горизонты, иногда от разных этапов неолита до железного века, заключены между аллювиальными горизонтами, ритмически переслаивающихся с ископаемыми педокомплексами.

Нами произведен палеогеографический анализ формирования этих ритмично слоистых толщ от верховий Енисея в пределах горно-ледниковых районов до котловинных участков Среднего Енисея и его притоков. Выявлена как тектоническая, так и палеоклиматическая обусловленность формирования довольно мощных серий ритмичных осадков и перерывов в осадконакоплении с формированием почвенных горизонтов. Применение также комплекса исследований и абсолютного датирования позволило выделить палеоклиматические ритмы различных рангов от сверхвековых, соответствующих 1800-1900-летнему и более коротких ритмов до вековых и 10-12-летних.

Изменение природной обстановки, динамика формирования террасовых комплексов, и, соответственно, условий жизни древних людей были обусловлены специфическими климатическими условиями в плейстоцене и голоцене на юге Приенисейской Сибири, что было предопределено положением территории внутри огромного материка.

Поэтому вполне естественно отличие геологогеоморфологических условий положения стоянок Южной Сибири от других регионов страны.

УРОЧИЩЕ ТАМГАЛЫ - СВЯТИЛИЩЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ СЕМИРЕЧЬЕ

АЛИШЕР К.АКИШЕВ

Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР

г.Алма-Ата

I. Семиречье (Южный, юго-восточный Казахстан и Северная Киргизия) - регион, насыщенный разнообразными археологическими памятниками эпохи бронзы - раннего железа, в том числе теми, которые имеют ярко выраженные культовые признаки. Среди них особо выделяются петроглифы - гравюры на скалах - монументальное творчество древних племен. Приуроченные к меридиональным хребтам Северного Тянь-Шаня, их скопления локализуются вдоль древних путей (позднее - Великий Шелковый путь), в зонах, служивших границами степи: перевалы, ущелья-проходы и т.п. В этих ландшафтных границах осуществлялись контакты групп древнего населения смежных регионов, имевших, видимо, различную хозяйственную специализацию и социальную родо-племенную структуру. Здесь фиксируются крупные местонахождения петроглифов; отдельные из них, организованные в соответствии с "архитектурой скал" и замыслом исполнителей, уверенно интерпретируются как входящие в систему оформления святилищ.

2. Наиболее завершенным из них является святилище урочища Тамгалы, расположенное в проходе с востока на запад через хребты Чу-Илийских гор, разделяющих пустыни Таукум и Муюнкум и долины рек Чу и Или. Большинство гравюр урочища относится к периду финальной бронзы (X-УШ вв. до н.э.), его составляют единовременные очень тщательно выполненные образованными художниками изображения, входящие в большие композиции, объединенные общей идеей эзотерических ритуалов.

Стилистически они сближаются, с одной стороны, с одновременными центральноазиатскими петроглифами и произведениями то-

ревтики финальной бронзы, с другой - с памятниками "луристанского" круга из Передней Азии ("мидийское искусство").

3. В соответствии с гипотезой о языковой принадлежности населения юга Казахстана I тыс.до н.э. интересна возможность выяснения семантики композиций на основе индоевропейской мифологии и ритуальной практики. Петроглифы почти буквально иллюстрируют индоиранские и, скорее, по преимуществу, индоарийские циклы. Основные мотивы: изображения пятнистых коров, лошадей, реже козлов, парные антропоморфные фигуры; сцены плясок, мотивы коитуса; роженицы; солярные и фитоморфные божества, в том числе, стоящие на олене, быке, онагре, лошади; колесницы; мотивы терзания и охоты, изображения людей с палицами, отпечатки ног. Позднее(I тыс.до н.э.)в общую стстему оформления святилища тактично, с явным пониманием смысла изображений, вкраплены или введены более поздние сакские гравюры, выполненные в "Скифо-сибирском "зверином" стиле. Они словно ориентируют святилище на новые идеологические потребности. Здесь также имеются петроглифы тюркской эпохи, буддийские и арабские надписи и казахские тамги, но они представляют совершенно инородный пласт, включенный уже в неопределенную для средневековья "мистическую" атмосферу урочища. Смысл предыдущих изображений был неизвестен, толкование их - произвольны и обращались вокруг туманных представлений о древнем "язычестве".

4. Путь по урочищу - это "передвижение" в одухотворенном мифологическом пространстве и, одновременно, в пространстве сюжетов мифологии. В древности, несомненно, д.б. существовать толкователи этих сюжетов, действием и словом развертывающие их смысл для посвящаемых. У узкого входа в ущелье расположены изображения "близнецов", лохматых антропоморфных существ с плетками (видимо, это божества типа индоевропейских Насатья и Пушана, греч. Пан), палиценосцев - "громовержцев", колесниц и пятнистых коров. (Ср.особое значение последнего образа в Ригведе). Зафиксированы сцены плясок, изображения отпечатков ног (ср.ведийский мотив измерения вселенной ногами);сцены охоты с арканом на солнечного оленя (существенно, что аркан фигурирует как атрибут ведийских богов, особенно Варуны).

Юго-западнее сосредсточены изображения "солнцеликих" существ, стоящих на коне, олене, быке, напоминающих некоторые месопотамские и анатолийские мотивы, а также иконографию индийских "вахана" - ездовых животных ведических богов. "Алтарным местом" святилища является терраса на западной стороне ущелья, над речкой, образованная вертикальной плоскостью скалы и горизонтальным уступом, по которому осуществляли подход к "алтарю". Здесь выбито 6 изображений "солярных" богов, причем каждое имеет свое отличие, что заставляет видеть в них воплощение образов богов местного пантеона (вероятна связь изображений с циклами ведических Адитья.). Две фигуры, одна из них с палицей, окружены вереницей из двенадцати танцующих людей. Они могут интерпретироваться по аналогии с индоевропейской божественной парой Митра-Варуна, имеющей, кстати, отношение к календарю и солнечному году из I2 месяцев. Четыре других - с Сурьей, Агни, Сомой или другими богами солярного круга. Любопытно, что одно из этих изображений довольно выразительно передает внешний вид растений с плодами (хвойника).

Поблизости от урочища зафиксированы могильники периода финальной бронзы (т.н. семиреченская культура) и сакские курганы.

Урочище изобилует зарослями хвощевой эфедры.

Чу-Илийские горы - один из основных регионов сбора этого сырья. Последнее существенно в связи с особой ролью для приготовления наркотика (соиа, хаума).

Все это заставляет предполагать, что в конце 2 тысячелетия до н.э. в урочище Тамгалы находилось святилище какой-то группы индоиранского (или индоарийского) населения, оставившего памятники семиреченской культуры, археологическим проявлением которой остались петроглифы Тамгалы.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО САХАЛИНА

/К вопросу об истоках формирования охотской культуры/

ВАСИЛЕВСКИЙ А.А.

Южно-Сахалинский государственный педагогический институт

I. Несмотря на значительные успехи археологии в последние годы, до сих пор проблема происхождения культур морских зверобоев Северо-Восточного сектора Тихого океана остается дискус-

сионной. Существуют различные теории их становления и развития. Не является исключением и историография охотской культуры. Тем не менее значительное расширение источниковедческой базы археологии Дальнего Востока, наблюдаемое в настоящее время, позволяет высказать ряд новых суждений по охотской проблематике.

2. Одним из наиболее изученных к настоящему времени памятников охотской культуры на Сахалине является стоянка Кузнецово, расположенная на крайнем юге острова, в 20 км. от мыса Крильон. Стоянка состоит из двух местонахождений. Первое - расположено на четырехметровой морской террасе на излучине, образованной устьем реки и берегом Татарского пролива. Второе местонахождение - Кузнецово-2 - расположено на другом берегу реки, на высоком скальном обрыве.

Памятник исследуется методом сплошных археологических раскопок с 1979 года. Стратиграфически первое местонахождение /Кузнецово-I/, делится на два основных горизонта, разделяемых полустерильной прослойкой песков. Верхний слой /гумусированные пески, бурые супеси/ аналогичен стратиграфии местонахождения № 2. Он характеризуется как памятник развитого и позднего этапов охотской культуры. В нем обнаружен грунтовый могильник айнского времени. Погребения ориентированы головой на север-северо-восток. В погребальном инвентаре отмечены: мечи, железные ножи в деревянных ножнах с резьбой, курительные трубки, лаковая посуда, каменные орудия, монеты 17 века, ожерелья из бус, серьги, колокольчики и т.д.

Каменный и керамический инвентарь первого слоя имеет прямые аналогии в комплексах инвентаря памятников I-II тыс.н.э. на Сахалине, Курильских и других соседних островах. Трасологический анализ шлифовальных плит, проведенный Н.А.Кононенко, подтверждает высказанную ранее гипотезу об использовании металла древними жителями о.Сахалина в эпоху развитого морского зверобойного промысла.

3. Нижний горизонт стоянки Кузнецово-I сложен жженными песками и супесями. Здесь, в ходе раскопок выявлено наличие трех многоугольных жилищ, первое из которых /жил.№1/ датируется по C^{14} 8 веком до н.э. /МАГ - 693 2750± 150 лет/, что подтверждает предположение о наличии в нижних слоях поселения Кузнецово-I культурного комплекса раннего этапа охотской культуры. Многоугольные жилища широко известны на ряде памятников развитого этапа охотской культуры /Озерск-I, Стародубское-2, Токоро-Часи, Кабукаи и т.д./.

Конструкция такого жилища состояла из неглубокого котлована, серии опорных столбов, толстых циновок из трав. Очаги располагались в центре и в северной части жилища.

4. Данному типу жилища соответствует своеобразный комплекс керамики трех типов, два из которых почти идентичны керамике раннеохотских памятников /Стародубское, Сусуйская стоянка, нижник слои Озерск-I/. Третий тип представлен многочисленными фрагментами керамики, украшенной сплошными веревочными оттисками, изящными шнуровыми линиями, налепными треугольными выступами на крае венчиков, проколами, "жемчужинами". Данная керамика имеет позднеонеолитический облик и во-многом схожа с неолитической керамикой Южных Курил. Ряд своеобразных элементов/валики, выступы/ роднит ее с неолитической керамикой Сахалина/Садовники-2/.

Каменный инвентарь нижнего горизонта Кузнецово-I довольно своеобразен. В нем сочетаются существенные черты и технические традиции, отмечаемые в неолитических комплексах Сахалина, Курильских островов, и новые веяния, развивающиеся в последующее время в рамках охотской культуры. Находки орудий из кости единичны, но фаунистические остатки и обилие каменных орудий промысла подтверждают гипотезу о довольно раннем формировании промысла морских животных, в том числе китообразных на Сахалине.

КРОУНОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ЛАНДШАФТ, ХОЗЯЙСТВО, НАСЕЛЕНИЕ

ВОСТРЕЦОВ Ю.Е.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

г.Владивосток

I. Хозяйство является основным компонентом культуры, с помощью которого осуществляется взаимодействие общества и окружающей среды. Важным источником для изучения хозяйства может стать анализ ландшафта, к которому приурочены поселения, образующие природо-хозяйственный комплекс /круг радиусом 5 км/. Вы-

бор людьми места поселения зависел от заинтересованности населения в тех или иных элементах окружающей среды, рассматриваемых им как природные ресурсы; общего направления хозяйственной деятельности и от роли каждого определенного вида хозяйственной деятельности в системе жизнеобеспечения; традиций производственной деятельности; уровня развития производственных сил в целом. Наиболее существенным при анализе ландшафта является определение хозяйственной продуктивности его элементов.

2. Деление кроуновской культуры / 2 пол. I тыс.до н.э./ на три локальных варианта, представленных Приханкайской, Кроуновской и Прибрежной группами памятников, хронологическое соотношение которых окончательно не установлено, соответствует четырем типам ландшафтной приуроченности ее памятников.

Оценка хозяйственной продуктивности ландшафтов по отдельным ресурсам Приханкайской, Кроуновской и Прибрежной /последняя представляется наиболее поздней/ групп памятников позволяет сделать следующие выводы: агро-климатические ресурсы возрастают от Приханкайской группы к Кроуновской, достигая на ней своего пика, а на Прибрежной группе постепенно снижаются до нуля. Ресурсы присваивающих форм хозяйства /охота, собирательство, рыболовство/ наоборот возрастают от Приханкайской и Кроуновской групп к Прибрежной.

3. Рассматривая изменения в хозяйстве, демографической и социальной структурах населения, мы наблюдаем следующую картину: поселения Приханкайской группы имеют гнездовую структуру, среднюю площадь, и жилища, расчитанные на одну малую семью. В хозяйстве преобладают свиноводство и земледелие. Собирательство незначительно. Поселения Кроуновской группы также имеют гнездовую структуру, но увеличивается площадь поселений и жилищ, расчитанных на две-три малых семьи. В хозяйстве наблюдается расцвет земледелия /два вида злаков, широкий спектр сорняков, как индикатор высокой окультуренности почв /и скотоводство /корова, свинья/. Высока доля охоты, собирательство слабо аргументированно. На позднем, Прибрежном варианте наблюдаются отдельные небольшие поселения, приуроченные либо к морскому побережью, либо удаленные вглубь континента на 15-30 км. Жилища расчитаны на одну малую семью. Земледелие наблюдается

только на континентальных поселениях и, судя по слабой окультуренности почв, деградирует. Продолжает существовать скотоводство, увеличивается доля собирательства, рыболовства, охоты.

4. Анализ ландшафтной приуроченности поселений кроуновской культуры показывает, что наиболее оптимальные ландшафты занимало население Приханкайской и Кроуновской групп, где использование высоких агроклиматических ресурсов стимулировало демографические процессы. Столкновение с новой экологической ситуацией в Прибрежных районах приводит к формированию новых эколого-хозяйственных групп, изменению структуры расппределения населения и, видимо, уменьшению численности населения.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛИДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В.И.ДЬЯКОВ

Дальневосточный государственный университет

г.Владивосток

I. От недифференцированного описания истории Приморья /до образования средневековых государств/ как "эпохи первобытного человека", что нашло отражение в докладе В.К.Арсеньева на совещании в г.Уссурийске в 1922 году, к культурно-хронологической детализации процесса - таков путь развития дальневосточной археологии за 60 лет.

2. Особый интерес представляет изучение истории региона в эпоху бронзы. Нетрадиционные формы проявления этой эпохи в Приморье сделали невозможным ее выделение не только во времена деятельности В.К.Арсеньева /"бронзовый век у нас отсутствует совершенно..."/, но и многие годы позже.

3. По материалам, которыми мы располагаем сегодня, содержание эпохи заключено в развитии двух культур: лидовской и синегайской, общей задачей их изучения является расширение источниковедческой базы, позволяющей вскрыть новые или уточнить ранее установленные аспекты культурогенеза.

4. В последние годы Сихотэ-Алиньской археологической экспедицией Дальневосточного университета обнаружено и исследовалось несколько новых памятников, из которых специальный инте-

рес представляют Рудная Пристань, Монастырка-П, Орлиное Гнездо. Первые два находятся в нижней части долины реки Рудной, а третий - в среднем течении реки Зеркальной.

5. Значение памятника в Рудной Пристани определяется двумя обстоятельствами: а/ возможностью аргументировать стратиграфией периодизационное положение слоя лидовской культуры: последний на одних участках перекрывал, а на других - прорезал позднеолитический горизонт с керамикой зайсановского облика; б/ возможностью описать новый для поселений лидовской культуры тип жилища - полуземлянку.

6. Памятник Орлиное Гнездо, расположенный в 2 км от группы широко известных устиновских донеолитических памятников, представляет интерес своей необычной дислокацией. Культурный слой сосредоточен на уступе площадью около 15 м^2 на вершине труднодоступной сопки. Здесь выявлены признаки недолговременного, но весьма обширного кострища, значительное количество фрагментированных сосудов, сверленая цилиндрическая бусина, галька с противолежащими выемками как у грузила. С сопки открывается вид на значительный участок долины реки. По всей вероятности памятник является временным убежищем или наблюдательным пунктом.

7. Монастырка-П представляет локальный частично разрушенный комплекс на уровне высокой поймы одноименной реки. Здесь на площади в несколько квадратных метров, ограниченной искусственной выемкой, сосредоточены зольно-углистые очажные скопления, в которых располагались амфоровидные сосуды, шлифовальные ножи, наконечники стрел и копий, топоры. Часть предметов, видимо, изготовлена на этом месте. Количество зольно-углистых скоплений таково, что при их одновременном использовании находиться внутри выемки было бы очень затруднительно. Внутри выемки и за ее пределами не найдено столбовых ям. В жилых комплексах лидовской культуры амфоровидные сосуды никогда не превышают 50%. Здесь же они составляют 100%. Приведенные факты и некоторые наблюдения над взаиморасположением орудий позволяют высказать предположение, что это ритуальный комплекс.

О СООТНОШЕНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ДВУХ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМОРЬЯ

КУДИХОВСКАЯ И.С.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

г.Владивосток

Корреляция янковской и крауновской культур, последовательно сменявших друг друга на территории южного Приморья в I тыс. до н.э., является дискуссионным вопросом. Определенную информацию по этой проблеме дает сравнительный анализ керамических традиций обеих культур. В нашей работе основной акцент сделан на сопоставлении признаков формы сосудов ряда янковских и крауновских памятников. Рассматриваются такие характеристики как пропорции и контур целых сосудов и их структурных частей. Фиксируются технологические особенности, лежащие в основе создания различных форм посуды. Сопоставление ведется по признакам как общим для керамической традиции культуры, так и специфичным для отдельных ее вариантов.

Выявлен целый ряд существенных различий между керамическими традициями янковской и крауновской культур. Они касаются, в первую очередь, типового состава форм, определяемого пропорциями и контуром сосудов. Эти характеристики посуды обеих культур обладают четко выраженным своеобразием. Дифференциация прослеживается также и в моделировании венчиков и донышек сосудов. Различные технологические приемы, использовавшиеся янковскими и крауновскими гончарами при формовке этих частей изделия, обусловливают различие их внешних признаков. В целом, весь комплекс отличительных черт, отмеченных при сравнительном анализе, не позволяет утверждать наличие генетических связей между гончарством янковских и крауновских памятников.

Формы керамических сосудов рассматриваемых культур обнаруживают и отдельные аналогии. Так, гончарная продукция янковских и крауновских мастеров состоит из двух основных классов - сосудов с горловиной и сосудов без горловины; общим признаком является плоскодонность. Однако эти и некоторые другие черты сходства носят зональный и временной характер и поэтому не могут слу-

жить доказательством близкого родства керамических традиций.

Следует добавить, что отсутствие тесных связей между гончарством янковской и крауновской культур подтверждается также и результатами изучения особенностей технологии изготовления и орнаментации посуды.

К ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

ЛЕОНТЬЕВ В.П.

Красноярский государственный педагогический институт

Изучение древнейшего прошлого отдельных регионов Сибири складывалось крайне неравномерно, одни территории систематически исследовались археологами, другие же мало изучены или не изучены вовсе. К числу малоизученных относится Северное Приангарье. Территория эта тяготеет к нижнему течению реки Ангары и включает Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края. В результате археологических работ, проводимых в последние 10 лет САЭ Красноярского государственного педагогического института, здесь открыты и исследованы разновременные памятники: палеолита, неолита, бронзового и железного веков. Менее изученной из всех эпох остается железный век.

На стоянках Чадобец, Пашино, Толстый мыс, Усть-Кова, Окуневка, о.Сергушкин выявлен культурный слой железного века. Археологический материал этогослоя дислоцирован в гумусированной почве мощностью от 0,2 до 0,4 м. На существование железоплавильного производства указывают многочисленные кусочки шлака, фрагменты криц, сопла печей, молоты для дробления руды и т.д. Особо надо отметить плавильные сооружения стоянок Чадобец и Пашино, представленные в коллекциях двумя типами - домница и тигли.

Культурный слой отдельных стоянок включает единичные погребения.

Изделия из железа. Наиболее распространенной категорией археологических находок являются ножи - 40 экз. Они могут быть разделены на три группы; за исходный признак принимаются форма черешка, его положение относительно обушка и способ их соединения.

Первая группа объединяет ножи с кольцеобразными навершиями, вторая группа - ножи, у которых черешок является продолжением линии обушка. В третью группу включены ножи, у которых черешок расположен ниже обушка.

Следует отметить также коллекцию железных тесел из погребений стоянки Усть-Кова.

Среди находок - подвески, наконечники стрел, различных форм и размеров, гвозди, крючок для подвешивания колчана и др.

Керамические комплексы железного века стоянок весьма разнообразны. Судя по имеющимся фрагментам, преобладали сосуды баночной формы, иногда со слегка отогнутыми венчиками. В орнаментации керамики присутствуют несколько типов орнамента. Это различные сочетания оттисков многозубчатого и гладкого штампа, параллельные наленные валики. Иногда валики орнаментировались по ребру насечкой.

Археологический материал Северного Приангарья дает нам право говорить о том, что появление первых изделий из железа в регионе относится к III-I вв. до н.э. Что касается этнической принадлежности населения Северного Приангарья, то здесь несомненно наличие двух компонентов - местного тунгусоязычного и прошлого тюркоязычного.

КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ ПАМЯТНИКА УСТЬ-ЗЕРКАЛЬНАЯ IУ

СЕМИН П.Л.

Дальневосточный государственный университет

I. Разведочными работами 1984 г. САЭ ДВГУ под руководством Дьякова В.И. обнаружен памятник в 6 км к юго-востоку от пос. Зеркального на левом берегу реки. Местонахождение связано с I и II уровнями надпойменной террасы. Раскоп (80 м^2) был заложен на более низком уровне и дал возможность выделить на памятнике стратиграфически и типологически 2 разновременных культурных комплекса, ранний из которых связан со слоем коричневой супеси.

2. Керамика раннего комплекса представлена обломками плоскодонных сосудов в основном амфоровидной формы. Выделяются 2 зоны орнаментации сосудов. Первая - венчик, вторая - место перехода тулова сосуда в шейку. По технике нанесения орнамент

разделяется на выпуклый и врезной. К группе выпуклого орнамента относятся воротничковые карнизики и Г-образные уступы, которыми оформлялся венчик сосуда, а также налепные валики, треугольные и плоско-прямоугольные в сечении, расположенные во второй орнаментальной зоне. Врезная орнаментация представлена узкими наклонными оттисками, которыми декорирован венчик, и несколькими (до 5-ти) прочерченными горизонтальными линиями, в некоторых случаях пересеченными перпендикулярными короткими отрезками или цепочками наклонных штрихов, украшающими зону контакта тулова и шейки сосуда. Отдельно следует отметить наличие фрагментов сосудов, окрашенных в малиновый цвет.

3. Изделия из камня представлены наконечниками мотыг и грузилами, изготовленными из гальки и кусков горных пород. Отметим находку обломка шлифованного жатвенного ножа сегментовидной формы с отверстием посередине, шлифованного топора, прямоугольного в сечении, шлифованного наконечника стрелы с желобком вдоль длинной оси и секировидной бусины из опала. Кроме того, в коллекции имеются отщепы из кремня, часть из которых несет следы сработанности по краю.

4. Вышеописанные артефакты, объединенные статиграфически, составляют единый типологический комплекс, находящий прямые аналогии в памятниках лидовской культуры, а преобладание амфоровидных форм в керамике и отсутствие орудий из кремня (за исключением отщепов) говорит о принадлежности этого комплекса к более позднему этапу данной культуры (Дьяков В.И., 1979, 1983 гг.).

КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ДОКЕРАМИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ УСТИНОВКА - 4

СИНЕЛЬНИКОВА Е.Б.

Дальневосточный государственный университет

I. СААЭ ДВГУ под руководством В.И.Дьякова в полевом сезоне 1984 г. продолжены раскопки докерамического памятника Устиновка-4, в верхней части культурного слоя которого был обнаружен комплекс, включающий в себя обломки керамических сосудов

и некоторые каменные вещи, типологически не связанные с основным комплексом позднепалеолитического облика /Дьяков В.И., 1982/.

2. Исследовано 235 единиц керамики, в т.ч.:

- фрагментов донышек - 4 шт.,
- фрагментов венчика - 4 шт.,
- фрагментов боковых стенок - 227 шт.

Керамика плоскодонная, тонкостенная, хорошего обжига, /в изломе одноцветная/, плотная, поверхность стенок не ангобирована, зафиксированы следы лощения, орнаментация на исследованных фрагментах отсутствует. Сильная фрагментированность затрудняет реконструкцию сосудов.

3. 97% фрагментов керамики связано с дерево-гумусным горизонтом, кровлей и первым пластом культурного слоя, 3% керамики относится ко второму пласту. Попадание данных фрагментов во второй пласт в ряде случаев бесспорно связано с заполнением гумусированных пятен, связанных с корневой системой. Часть фрагментов фиксировалась в виде скоплений.

4. Каменный инвентарь данного комплекса представлен плечиковой мотыгой, двумя обломками шлифованной гальки, грузилом, обломком шлифованного наконечника стрелы и цилиндрической бусиной из достаточно мягкого камня.

5. Поиск аналогий исследуемым материалам привел к выводу о сходстве его с материалом памятников Лидовка-I, Благодатное-3, и др., относящихся к лидовской культуре /Дьяков В.И., 1978, 1983 гг./.

ДРЕВНИЕ ШАХТЫ Р.АМГУ

ТАТАРНИКОВ В.А.

Дальнегорское отделение Географического общества СССР

Первым исследователем шахт на р.Амгу был В.К.Арсеньев. В 1907 г. он проходил маршрутом по р.Амгу и жители Амгу сообщили ему, что недалеко от их деревни находится гора, которая изрыта глубокими ямами. В.К.Арсеньев обследовал эту гору, произвел там небольшие раскопки и пришел к выводу, что здесь древние обитатели Уссурийского края добывали кремень для изготовления орудий.

В 1955 г. в этом районе работал специальный отряд Дальне-

восточный археологической экспедиции, но следы добычи кремня тогда обнаружить не удалось. Вопрос о шахтах оставался открытым. В последующие годы было предпринято еще несколько попыток найти шахты, но безуспешно. Наконец, осенью 1980 г. автору данного сообщения удалось обнаружить сопку с ямами и доказать, что это действительно древние шахты, но не для добычи кремня, как считал В.К.Арсеньев, а для разработки опала.

Шахты находятся на водораздельном хребте ключей Дедушкиного и Долганова /левые притоки р.Амгу/, в 7 км.от пос.Амгу. К настоящему времени обнаружено три участка с шахтами, расположенных на водораздельном хребте на небольшом расстоянии друг от друга. Шахты представляют собой оплывшие ямы круглой, овальной и прямоугольной формы и имеют конусовидное и чашевидное сечение. На нескольких скальных участках видны засыпанные землей входы в горизонтальные штольни.

Объектом раскопок 1981 г. стала одна, хорошо сохранившаяся шахта.Она имела два входных ствола, которые сообщались между собой низкими горизонтальными штреками. Первый ствол был хорошей сохранности и вел прямо в шахту. Второй ствол почти полностью засыпан грунтом и только в процессе раскопок стало ясно, что оба ствола являются стволами одной шахты. Общая площадь пола шахты около 50 м^2. В процессе раскопок стволы шахты очищались от грунта и поквадратно снималось заполнение шахты, состоящее из чернозема, ниже которого залегала базальтовая и туфовая щебенка. При расчистке ствола I были встречены обломки и целые галечки опала и халцедона, несколько отщепов и 2 обломка гранитных молотов, изготовленных из морских галек. В заполнении шахты попадались мелкие угольки, продукты добычи и переработки камня /опал, халцедон/. Кроме опала и халцедона найдены два обломка тонких песчаниковых плиток. По нашему предположению, это обломки инструментов типа лопат или мотыг. Отдельных скоплений камня не наблюдалось, они были равномерно рассеяны по всей площади заполнения пола шахты.

Исследования амнинских шахт имеют большое значение. Впервые в дальневосточной археологии были предприняты раскопки нового типа археологических памятников - шахт по добыче камня, пока единственных на Дальнем Востоке, шахты приурочены к выходам базальтов и туфов левобережья р.Амгу.

По приблизительным подсчетам на водораздельном хребте расположено около 200 шахт. Шахты, вероятно, эксплуатировались в течение длительного времени - со 2 тысячелетия до н.э. до средневековья включительно. Об этом говорит наличие украшений из амгинского опала в материале различных эпох в Приморье. Они есть в позднеолитическом памятнике - стоянке Водораздельная в Дальнегорском районе, памятниках лидовской культуры /бронза/, средневековья /Шайгинское городище, Краскинское городище/.

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА МОНАСТЫРКА-П

ЧУПАХИНА Е.В.

Дворец пионеров

г.Владивосток

I. Памятник расположен на слабонаклонной площадке у основания I0-I5-метровой возвышенности и представляет собой остатки подпрямоугольного углубления площадью около 6 м^2, в котором выявлено 3 очага, расположенных в центре, в западном и восточном углах. Следов каких-либо ям ни в пределах данного углубления,ни за его границей не обнаружено.

2. В углублении найдено большое количество предметов, преимущественно целых, всего около 273 экз. Артефакты сосредоточены несколькими скоплениями внутри выемки и практически отсутствуют за ее пределами (всего вскрыто 45 м^2). Скопление № I связано с очагом округлой формы, окантуренного сгоревшими плашками и выстланого по дну берестой, расположенного в западном углу. В скопление входят найденные в очаге 2 шлифовальных ножа, залегавших под небольшим углом друг к другу. Один из ножей был крестообразно перекрыт шлифованным наконечником из дротика. К границе примыкают два сработанных монофронтальных одноплощадочных нуклеуса из серого камня, отбойник из овальной гальки, небольшой крашеный сосуд амфоровидной формы. Скопление № 2 связано с очагом овальной формы, расположенным в восточном углу выемки, и включает обнаруженные в нем 5 шлифованных ножей, два из которых лежали на берестяной подстилке в скоплении охры и были ориентированы остриями в противоположные стороны; шлифованный наконечник копья, топорик, 3 галечных отщепа. Здесь же найдены I9 шли-

фованных наконечника стрел, сосредоточенных на участке 4х5 см и ориентированных остриями на юг. Около очага располагались шлифованный топор и долото, керамическое неорнаментированное пряслице круглой формы, скобель, изготовленный на кремневом краевом сколе, лощило в виде небольшой плоской гальки подпрямоугольной формы, сосуд амфоровидной формы. Скопление № 3 связано с углубленным в материк центральным очагом, вероятней всего, округлой формы (из-за большого количества угля и золы в культурном слое его верхнюю границу проследить не удалось). Около очага найдены 3 грузила с выемкой для крепления как с двух так и с четырех сторон; точила двух типов: в виде бруска с использованием всех четырех граней (I экз.), и в виде трапеции, изготовленные из рассеченных поперек галек (2 экз.); шлифованное тесло и два топора. Скопление № 4 расположено у северной границы углубления среди угольков и сгоревших плашек, окаймляющих углубление по его периметру. Оно включает 7 шлифованных ножей и их обломков, 2 шлифованных наконечника копья, обломок прямоугольной подвески. Немного южнее скопления найдены 2 обломка шлифованных изделий. Скопление № 5 расположено в юго-восточной части выемки около сосуда амфоровидной формы. В него входят: грузило с выемками для крепления с 4-х сторон и 5 бусин. Одна из бусин цилиндрическая, три - секировидные, одна округлая в плане, но плоская в сечении. В 0,5 м от этого скопления обнаружен шлифованный нож. В промежутке между центральным и восточным очагами в ряд располагались еще 4 амфоровидных сосуда, один из которых был обложен с трех сторон небольшими галечками, а другой стоял на шлифованном ноже, рядом лежал еще один шлифованный нож. В промежутке между центральным и западным очагами найдено 4 амфоровидных сосуда. При этом фиксировалось, что до разрушения памятника количество сосудов в этом месте было несколько большим (около 5-6 сосудов).

3. Наиболее диагностичными для данного комплекса являются шлифованные орудия, представленные: I)ножами с выделенной рукоятью и скошенным, в основном, ассиметрично заточенным лезвием (I2 экз.). симметрично заточены 3 экз. 2) треугольно-листовидными наконечниками стрел двух типов, обнаруженными в скоплении № 2: гофрированные и плоские. И те и другие могут иметь ассиметрическую заточку граней (выявлена на 4 экз.) 3) плоскими че-

решковыми наконечниками копий (3экз.) и дротика (I экз.). Два наконечника копья имеют ассиметрично заточенное перо; 4) прямоугольными в плане и в сечении рубящими орудиями (6 экз.).

4. Керамика представлена II сосудами только амфоровидной формы. Орнамент сосредоточен в зонах плечиков и соединения шейки с туловом. Он представлен прочерченными параллельными линиями, либо рядами налепных валиков с наклонными рассечениями.

5. Материал комплекса Монастырка-П характерен для лидовской культуры (Дьяков В.И., 1979). Наибольшее число сходных признаков описанный комплекс имеет с эталонным памятником Лидовка-I. Последний надежно датирован по C^{14} (4 даты) 7-6 вв. до н.э. (Дьяков В.И., 1979).

6. Наличие в углублении трех очагов, расположенных друг от друга на расстоянии чуть больше метра, найденные в очагах орудия и охра, расположение находок скоплениями и преимущественная их ориентация по линии В-З, концентрация находок внутри выемки и почти полное их отсутствие за ее пределами, большое количество целых сосудов только амфоровидной формы, отсутствие столь характерной для жилищ битой керамики и большого числа обломков орудий, а также столбовых ям как внутри, так и за пределами углубления дают возможность предположить, что мы имеем дело с каким-то ритуальным комплексом.

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ БОХАЙЦЕВ И ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ПРИМОРЬЯ

БОЛДИН В.И.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Пахотные и другие орудия, связанные с обработкой земли, указывают на уровень земледелия.

В письменных источниках, освещающих историю бохайцев и чжурчжэней, имеется довольно много сведений по сельскому хозяйству, однако практически полностью отсутствует информация, касающаяся, земледельческих орудий. Этот пробел с успехом восполняют археологические материалы.

Металлические детали пахотных орудий появляются в Приморье на памятниках бохайской культуры (УШ-Х вв.). Встречаются они почти на всех изучаемых чжурчжэньских памятниках XII - начала XIII веков. Это чугунные подтреугольной формы с прямой и изогнутой верхней плоскостью лемехи, двусторонние и односторонние отвалы.

Лемехи той и другой культурных эпох практически копируют друг друга, а по форме и размерам сближаются с когурёскими, силланскими и древнеяпонскими. Подобная форма металлических наконечников пахотных орудий сохраняется на севере Корейского полуострова вплоть до середины XX века.

Металлические части позволяют указать на принадлежность орудий к тому или другому типу, однако для их детальной реконструкции необходимы некоторые этнографические данные.

Пахотные орудия по функциональным особенностям разделяют на две группы: рала и плуги.

Рало представляет такое орудие, которое при работе разрыхляет и равномерно раздвигает землю по обе стороны борозды. Такой тип орудий широко использовался на Корейском полуострове и на Японских островах. Рало состояло из трёх основных деревянных частей: рукояти-ральника, на рабочей части которого закреплялся лемех, прямого грядиля, через посредство которого орудие соединялось с упряжными животными и передней стойки, которая усиливала конструкцию орудия, служила опорой для крепления двустороннего отвала и использовалась для регулировки глубины вспашки. Рало легко управляемо и маневренно, а стало быть и удобно для ведения земледелия в горно-таёжной зоне. Вполне допустимо, что близкие по конструкции орудия бытовали у бохайцев и чжурчжэней.

2.

Плуг является более производительным, устойчивым, но менее маневренным тяжелым пахотным орудием. Отличается от рала обязательным присутствием полоза и одностороннего отвала, с помощью которого подрезанный лемехом пласт земли переворачивался на одну сторону по ходу орудия. Плуг до недавнего времени бытовал в Маньчжурии. Его деревянный остов состоял из четырех деталей: полоза, рукояти, грядиля и передней стойки. Лемех насаживался на переднюю часть полоза с таким расчетом, что его несколько изогнутый книзу носик располагался ниже плоскости подошвы полоза, а отвал устанавливался на лемех и крепился к передней стойке.

Односторонние отвалы и лемехи с изогнутым книзу носиком, а значит и плуги появляются в Приморье в XI веке.

Таким образом археологические материалы и этнографические данные в общих чертах позволяют не только реконструировать, но и говорить о наличии у земледельческого населения Приморья в УШ - начале XIII вв двух типов пахотных орудий, рала и плуга, приспособленных к различным приемам обработки почвы, разработки целины, перепахиванию, окучиванию и проведению борозд.

ПОКРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИАМУРЬЕ.

ВАСИЛЬЕВ Ю.М.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Археологическое изучение раннесредневековых памятников Приамурья началось в 1902 г., когда учителем А.Я.Гуровым и Г.Д.Белоусовым были проведены небольшие раскопки в городище на горе Шапка в Амурской области. Первый могильник этого времени был исследован в 1912-1913 гг. В.К.Арсеньевым и Л.И.Звездиным на Дубовой релке около с. Покровка близ железнодорожного моста через Амур. Ряд находок был сделан и в более позднее время.

Начало дальнейших археологических изысканий связано с работами, проводимыми под руководством А.П.Окладникова. В 1935 г.бы-

ла осуществлена разведочная экспедиция по Амуру от Хабаровска до Николаевска. В 1953 г. начала работу Дальневосточная археологическая экспедиция. В 1959-1961 гг.Е.И.Тимофеевым при участии автора были проведены разведки в Еврейской автономной области, открыт и обследован ряд раннесредневековых памятников. В 1960г. ДВАЭ вела раскопки нескольких курганов на могильнике в районе пос. Смидович. В 1968, 1970 гг. шли работы на Болочьском могильнике. В 1969 г. С.В.Глинским обследовано два погребения на Надежденском могильнике, а с 1970 г. систематические раскопки на этом могильнике вел В.Е. Медведев. Под его руководством в дальнейшем исследован ряд могильников. С 1971 г.ведутся работы по изучению раннесредневековых памятников Приамурья автором.

Для могильников выбирались высокие незатопляемые релки вблизи водоёмов, идущие в направлениях с юго-востока на северо-запад и с юго-запада на северо-восток. Ряды курганов и могил в грунтовых могильниках также располагаются по определенным азимутам.

Погребальный обряд могильников Приамурья весьма сложный и детально разработанный (особенно в курганах могильниках). По обряду погребения делятся на ингумации, вторичные, ритуальные, кремации и кенотафы. Определённый процент занимают "пустые" погребения. Основная ориентировка головой на восход или закат.Есть также северная и южная. Хоронили в могильных ямах или на горизонте. Во многих случаях прослеживаются остатки деревянных гробов. Традиционная поза погребённых: на спине, ноги согнуты в коленях. Положение рук имеет несколько вариантов. Все остальные позы спорны и проблематичны по причине плохой сохранности антропологического материала. Последний факт вырастает в проблему: затруднено определение пола, возраста и антропологического типа. Но,по всей вероятности, могильники Приамурья в основе своей родовые, мужские о чем свидетельствует большинство погребений и кенотафы.

На многих могильниках есть следы столбовых сооружений, каменные выкладки, ритуальные ровики, кострища.

Развитие погребального обряда идет от вторичных погребений и ингумаций - к кремации через ритуальное сожжение гроба. Последнее явление есть в могильниках: Надежденском, Корсаковском, Назаичевском, с. Дубовое, пр. Кривая, пр. Быстрая.

Наиболее древними на Дальнем Востоке были грунтовые могильники. Таковы погребения раннежелезного века, мохэские. Если считать население Приамурья УШ-ХШ вв. в какой-то степени потомками амурских мохэ, то естественен вывод: традиции погребения под курганами были принесены на Амур извне какими-то кочевыми или полукочевыми племенами. Вместе с ними появляются:характерная станковая керамика, подражающая по цвету и форме металлическим сосудам, поясные прямоугольные бляхи с прорезным орнаментом и проч. В более позднее время (X-XI вв.) семантика блях забывается, у них появляются шарнирные подвесные элементы.

Определенное место в древней культуре Приамурья принадлежит тюркскому компоненту, что, возможно, связано со значительной тюркизацией мохэских племен.

Существование двух типов некрополей - грунтовых и курганных - было одновременным при идентичной материальной культуре и погребальном обряде. Наиболее древним могильником является Западная группа Луданниковой сопки, наиболее поздним - Краснокуровский (XII-XШ вв.).

Предложенное в 1975 г. В.Е. Медведевым название раннесредневековой культуры Приамурья, основанное на этническом признаке - - амурские чжурчжэни - не имеет достаточных оснований. У материальной культуры чжурчжэней Приморья и племен Приамурья слишком мало точек соприкосновения. Согласно древним хроникам в указанное время на обширных территориях Маньчжурии, Нижнего и Среднего Амура проживали племена шивэй, уго, хэйшуй мохэ и др. Эти этнонимы являлись собирательными и обозначали совершенно различные этнические группы. Накопленных материалов еще мало, чтобы однозначно решать вопросы, связанные с этническими проблемами.Наиболее правильным будет принятое в археологии название культуры по географическому признаку: по первому или наиболее характерному памятнику. Таковым наименованием может явиться Покровская культура. Она имеет широкий ареол: от Сихотэ-Алиня по Амурскую область с востока на запад, от р.Бикин до устья Амура с юга на север. Хронологические рамки культуры - УШ-ХШ вв. н.э.

О ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ ПЛАСТАХ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В КОНЦЕ I - НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

О.В. ДЬЯКОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Средневековые древности - первое и долгое время единственное, что привлекало внимание исследователей на Дальнем Востоке. С конца I9 и начала 20 в. сложилась и без больших изменений существует до настоящего времени концепция средневекового развития юга Дальнего Востока СССР в рамках бохайской и чжурчжэньских археологических и государственных культур.

В пределах этой концепции почти столь же давно решен вопрос об этногенезе современных малых народов Дальнего Востока. Собственно, они считаются наследными носителями государственной и этнической культуры бохайцев и чжурчжэней.

Современная археологическая концепция истории первобытного общества /Окладников А.П., Деревянко А.П., Дьяков В.И., Андреева Ж.В., Бродянский Д.Л./ показывает на длительность и самостоятельность развития в указанном регионе на протяжении поздних этапов каменного века и разных эпох металла. Нет, и, видимо, не может быть данных о прекращении автохтонного культурного развития на Дальнем Востоке к исторической дате появления бохайской и чжурчжэньской культур. Встает вопрос: почему мы в конце I начале II тыс. н.э. не видим или не различаем аборигенных культур? Вряд ли стоит допускать упрощенческую мысль о полном истреблении или столь же катастрофически полной ассимиляции аборигенов носителями средневековых культур.

Все исследователи средневековья, если обратиться к историографии, основывают свои выводы об этом периоде на трех источниках: а) письменных данных о государственном устройстве, границах и экономике бохайского и чжурчжэньского государства; б) наличии укреплений, дорог, ремесленных центров; в) продуктах ремесленного производства - станковой керамике, металлических изделиях и прочего материала, в массовом количестве встречающихся при раскопках центров городского типа. Именно они являются

критериями определения средневековых культур.

Среди специалистов долгое время считалось достаточной информация, вытекающая из этих источников. Однако она характеризовала только один, нивелированный ремесленным производством, пласт средневековых культур - городской, который интернационален по своему происхождению. Для развития ремесленного производства молодые средневековые государства обычно практиковали покупку и захват чужих мастеров. Вследствие этого появлялись внезапно разные формы станковой керамики и других изделий, не имевшие прототипов в местных культурах. Таким образом, собственная аборигенная культура оказалась за рамками исследований. В настоящее время практически нет удачных попыток выявления сельских поселений, существовавших синхронно всем ремесленным и политическим (военным) центрам и сохранявшим больше собственных культурных традиций.

Политическое уничтожение государственных образований в I3 в. привело к нарушению устоявшихся функций городов, что побудило исследователей "старой" школы говорить о периоде запустения на юге Дальнего Востока. Запустение касалось центров "городской цивилизации" - городов, коммуникации, ремесла.

"Сельское" автохтонное население по всей видимости было затронуто лишь частично. Оно потеряло возможность прежнего широкого обмена производимыми ими предметами натурального хозяйства на предметы ремесленного производства. Это должно было стимулировать развитие традиционных форм культуры уже в рафинированном виде без напластований продукции ремесленного производства.

Без вскрытия этого пласта аборигенной культуры конца I начала II тыс. н.э., развивавшейся параллельно и во взаимовлиянии с населением городских центров, мы не решим проблему энтокультурной истории малых народов Дальнего Востока. Именно поэтому чрезвычайно важно выделение в материальной культуре общих компонентов, происходящих из ремесленных центров - станковая керамика, металл и др. - и отыскание элементов собственной материальной культуры.

БРОНЗОВЫЕ АЖУРНЫЕ ПОЯСНЫЕ БЛЯХИ С ПОСЕЛЕНИЯ СИНИЕ СКАЛЫ

ЕРМАКОВ В.Е.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, г. Владивосток

I. Вопрос о поясных наборах неоднократно ставился исследователями. Появившись еще в скифское время, наборный пояс на протяжении более чем полутора тысячелетий являлся непременным атрибутом одежды воина и получил распространение на огромной территории – от берегов Тихого океана на востоке до Венгрии и Скандинавии на западе. Помимо практического назначения – к украшавшим его бляшкам с отверстием или петлёй привязывали ремни для сабли или кинжала, мешочки с трутом и другие вещи, – наборный пояс нес и определенную смысловую нагрузку – указывая на общественно-сословную принадлежность его владельца. Критерием, очевидно, служили материал, из которого изготовлялись детали пояса, их форма, количество и орнамент.

2. В Приморском крае наборные пояса появляются во второй половине I тыс. нашей эры. Наиболее массовый материал деталей поясной гарнитуры дало поселение развитого железного века Синие скалы. Среди находок данной категории представляют интерес плоские бронзовые ажурные бляхи прямоугольной формы. Всего на поселении их обнаружено около 20 экземпляров.

Поясные бляхи этого типа выполнены в виде прямоугольных пластин с прорезями различной конфигурации в определенных зонах и, большинстве случаев, полушаровидными, уплощенными с лицевой стороны зубчиками разной величины по верхнему и нижнему краям. Ажурный узор дополняется орнаментом в виде неглубоких горизонтальных линий, рядов точечных и подтреугольных вдавлений, вертикальных рядов из коротких параллельных бороздок. В верхней половине обычен орнамент из нескольких концентрических кругов. Для крепления к поясу на тыльной стороне бляшек имеется по четыре ушка. Длина блях варьирует от 5,8 – 6,3 см, ширина от 4,2 до 4,6 см при толщине 0,08 – 0,I5 см.

3. Бронзовые поясные ажурные бляхи прямоугольной формы известны в настоящее время только на памятниках южной части Дальнего Востока. Наиболее ранние из них обнаружены при исследовании мохэского могильника Найфельд, датируемого первой половиной Iтыс. нашей эры.(Окладников, I966) Сотни экземпляров поясных ажурных блях прямоугольной формы дали материалы памятников раннего средневековья бассейна реки Амур. Следует подчеркнуть существенные различия между приамурскими бляхами и описанными выше бляхами с поселения Синие Скалы. Если по общим формам, примерным размерам, наличию, в большинстве случаев, прорезей и четырех ушек на тыльной стороне они в какой-то мере схожи, то в оформлении нижнего и верхнего краев, конфигурации прорезей, орнаменте наблюдаются значительные различия. Бляхи, подобные амурским, найдены в единичных экземплярах и на памятниках бохайского и чжурчжэньского времени в Приморье.

4. В целом же находки поясных ажурных блях прямоугольной формы на поселении Синие Скалы позволяют ставить вопрос об определенных социальных изменениях, происходящих внутри древнего населения Приморского края накануне образования первого государственного объединения.

К ВОПРОСУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОСТРОГОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ЕРМОЛАЕВ А.В.

Красноярский государственный педагогический институт

Научное изучение сибирского города достигло определенных успехов. Имеются значительные исследования по источниковедению, историографии, социально-экономическим проблемам. Уделено достаточное внимание политической жизни, административному устройству, градостроительству сибирских городов. Но все исследования основываются в основном, на изучении архивного материала, что не может не сказаться на их полноте. Для составления целостной картины истории сибирского города исследователю необходимо сочетание традиционных исторических методов с методами археологии.

Начало археологического изучения русских острогов и поселений XУI-XУIII вв. положили раскопки зимовья русских полярных мореходов на о.Фаддея, предпринятые А.П.Окладниковым. В настоящее время исследование памятников, оставленных русскими в Сибири, достигло значительных масштабов. Примером могут служить раскопки Мангазеи, Казымского, Илимского острогов,Албазинского острога. Однако необходимо отметить, что основное внимание традиционно уделяется городам Тобольску, Томску, Иркутску. Красноярск же и остроги Красноярского края пока обделены вниманием историков и особенно археологов. Здесь в полной мере применимы слова Д.А.Авдусина: "археология редко поднимается выше XУI-XУII вв."

В изучении истории острогов и поселений Красноярского края преобладало в основном историко-краеведческое направление, которое в силу своей специфики исчерпало свои возможности. В настоящее время Красноярский край – это край интенсивных новостроек. Поэтому задача археологического изучения заселения русскими края встанет особенно остро, т.к. в противном случае эти ценнейшие свидетельства русской истории будут безвозвратно утеряны.

Красноярский острог, поселения и острожки юга края, защищая от нападения кочевников осваиваемую русскими Сибирь, сыграли огромную роль в процессе освоения русскими Сибири. Использование, в основном, только архивного материала, привело историков к выводу о том, что история Красноярска – это история военного города. Привлечение методов археологии позволит или подтвердить этот вывод, или изменить его. Тем более, что опыт проведения археологических работ на территории Красноярского острога уже есть.

ДОБЫЧА И ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ В ИМПЕРИИ ЛЯО(916-1125гг.)

ИВЛИЕВ А.Л.

Институт истории,археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

I. Находки металлических изделий в доляоских погребениях киданей, в частности, в могиле в Хусынао аймака Чжэрим, свидетельствует о том, что кидани занимались обработкой как черных, так и цветных металлов задолго до образования империи.

2. Определенное влияние на киданьскую черную металлургию в ранний период оказали уйгуры и захваченные Елюем Абаоцзи китайские шивэйские металлурги, а начиная с 929 г. значительную роль в добыче и переплавке железной руды в империи Ляо стали играть бохайцы. Сами кидани в имперский период, видимо, как и монголы XШ-XIУ вв., производили из железа и цветных металлов оружие,детали и украшения пояса и конской сбруи, предметы домашней утвари.

3. Письменные источники позволяют выделить I4 различных мест, где в империи Ляо производилась добыча металлов, либо были мастерские, изготовлявшие металлические изделия. Добыча руды и выплавка из нее железа была сосредоточена, в основном, в бывших бохайских землях в долине р.Ляохэ, включая район современной Аньшани, а также у р.Шарамурэнь и на нагорье Жэхэ. Серебро добывали в районе нагорья Жэхэ и гор Ляоси, а также в долине р.Ляохэ, у современного Телина. Разработки золота и серебра велись в отрогах Большого Хингана – в горах Иньшань у истоков р.Ляохэ. Обработкой металла часто занимались вблизи от мест его добычи, как это было на подворье сиского племени Дацзао в губернии Центральной столицы, а также в городах – местах средоточения ремесел и торговли. Следы деятельности металлургических мастерских обнаружены на ляоских городищах Даминчэн (Центральная столица), Хэйчэн, Жаочжоу (Внутренняя Монголия) и Зуун-хэрэм (МНР).

4. Из железа в Ляо делали множество вещей, прежде всего,детали снаряжения верхового коня,оружие и детали доспеха, инструменты и сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода. Встречаются как кованые, так и литые изделия. Отливали чаще всего стремена, плужные лемехи и отвалы, котлы, утюги, втулки ступиц тележных колес. При изготовлении изделий из тонких железных листов – печей-жаровен, ковшей, ведер, шлемов – широко применяли соединение клепкой. Некоторые железные изделия – ножницы, удила, стремена, детали сбруйного набора, наконечники копий – украшались инкрустацией серебром и золотом.

5. Многие вещи ляоские ремесленники делали из цветных металлов – меди, бронзы, серебра, золота. При этом,в соответствии с ценностью того или иного металла существовала определенная градация ассортиментов изделий из них. Так, из меди, бронзы и серебра делался наиболее широкий ассортимент вещей: предметы повседневного быта – посуда, палочки для еды, ложки; сбруйные и пояс-

ные принадлежности, погребальные маски, ювелирные изделия и некоторые предметы, обычно изготовлявшиеся из железа – бронзовые стремена, утюги, ковши, наконечник стрелы, серебряный замок. Исключительно из меди и бронзы изготовляли зеркала и проволочные погребальные костюмы. Значительно меньше количество и уже ассортимент позолоченных изделий из бронзы и серебра – сбруйные и поясные наборы, погребальные маски, головные уборы, ювелирные изделия. Из золота делались только украшения поясов высшей знати и ювелирные изделия – браслеты, серьги, бусы.

6. Анализ археологических материалов позволяет отметить следующие приемы обработки цветных металлов в Ляо: литье бронзы и серебра, ковку меди, чеканку меди, чеканку серебра, вырезание ножницами из тонкого медного листа, золочение медных, бронзовых и серебряных изделий. Для соединения деталей из разных материалов применяли клепку, медные и золотые детали соединяли пайкой. Орнаменты наносили гравировкой. Медную проволоку диаметром 0,5–0,8 мм для погребального костюма изготовляли волочением из довольно чистой меди.

7. Обнаруженные и опубликованные к настоящему времени ляоские инструменты, связанные с обработкой металлов – клещи, два вида плоскогубцев, молоток, ножницы – свидетельствуют об узкой специализации отдельных инструментов, но пока не отражают всей обширности инструментария металлургов Ляо.

Приведенные выше факты позволяют судить о высоком развитии черной и цветной металлургии в империи Ляо, о соответствии её уровню развития металлургии в других развитых странах той эпохи.

ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ НАЗВАНИЯ СТРАН СВЕТА

ПЕВНОВ А.М.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР г. Владивосток

I. В словаре В.Грубе приведены следующие названия стран света в чжурчжэньском языке: чжулэши ''восток'', фаньти ''юг'', фулиши ''запад'', улити ''север''. Слова эти даны в китайской транскрипции, в значительной степени искажающей их истинное звучание. Фонетические погрешности, вносимые китайской транскрипцией, можно попытаться устранить путем сравнения чжурчжэньских слов с их аналогами в других языках – как генетически связанных с чжурчжэньским, так и не родственных ему.

2. Прежде всего отметим любопытную симметрию – названия востока и запада оформлены суффиксом -ши, а севера и юга – суффиксом -ти. Оба форманта представляют собой древние локативные показатели со значением направительности; соответствующие суффиксы имеются во всех тунгусо-маньчжурских языках (напр., в нанайском -си, -чи; в ульчском -си, -ти).

3. Судя по сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков прямые аналоги трем чжурчжэньским названиям стран света есть в нанайском и близкородственном ему ульчском языках. Ср. нан., ульч. дюлэхи ''восток'', пэрхи ''запад'', нан. бчи ''север''; северный ветер, с низовьев Амура', ульч. бти ''северо-восточный ветер, с низовьев Амура''. Нанайско-ульчский суффикс -хи, оформляющий названия диаметрально противоположных стран света восходит непосредственно к чжурчжэньскому форманту -ши. Это факт позволяет нам вполне уверенно говорить о заимствовании нанайско-ульчских названий стран света из чжурчжэньского языка.

4. Чжурчжэньское чжулэши (точнее -дюлэши) означает не только ''восток'', но также и ''вперед'', причем производным является первое значение. Реконструированное при помощи нанайско-ульчского термина пэрхи чжурчжэньское слово фэрши ''запад'' этимологически связано со словом ''низ'' и первоначально имело значение ''вниз'' (т.е. место захода солнца). Ср. маньчж. варги ''запад'' ва- ''низ''.

5. Исходная симантика и истинное звучание чжурчжэньского названия севера восстанавливаются путем сравнения с письменно-монгольским уриду ''предшествующий; восток''. Дело в том, что в монгольских языках слово ''передний'' означало ''юг'', поэтому монгольская ориентация на 90° по движению солнца смещена по отношению к чжурчжэньской. Таким образом, семантика чжурчжэньского урити – в предыдущую, предшествующую (сторону) = на север.

6. Чжурчжэньскому фаньти ''юг'' мы пока не нашли соответствий в других языках.

7. Итак, главным направлением у чжурчжэней является восточное (на восток = вперед); по-видимому, то же можно сказать и о пратунгусоманьчжурах (ср., напр., эвенк. антага ''южный склон го-

ры'' и ан- ''правый''- если юг направо, то впереди восток). Аналогичный принцип характерен для древнетюркского языка. Иная система в монгольских, маньчжурском и, вероятно, китайском (не современном) языках. В них доминантное направление - южное.

8. В древних и даже в относительно недавно существовавших культурах ориентация по странам света имела существенную семиотическую нагрузку. С.М.Широкогорову принадлежит плодотворная идея о корреляции системы ориентации с наиболее привычным для того или иного этноса направлением миграций. Эту мысль поддержала и подкрепила новыми фактами Г.М.Василевич. М.М.Хасанова, основываясь на фольклоре восточных эвенков, пришла к выводу о том, что удивительное постоянство героев эвенкийского фольклора в их движении на восток, возможно, находится в определенном соответствии с ориентацией при погребальном обряде лицом на восток. К этому же архаичному семиотическому ряду, на наш взгляд, можно подключить в некоторых случаях ориентацию выхода из жилища.

9. Таким образом, языковые данные (в частности, названия стран света) могут быть поставлены в соответствие с материалами фольклора, этнографии и археологии в целях определения этнической принадлежности носителей древних культур.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КРАСНОЯРОВСКОМ ГОРОДИЩЕ (раскопки I984 года).

ХОРЕВ В.А., НИКИТИН Ю.Г.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Раскоп был разбит на исскуственной террасовидной площадке расположенной в юго-западной части городища. Площадь раскопа составила 90 кв.м. В результате исследований было выявлено два строительных горизонта:

Верхний содержал остатки каркасного, прямоугольного в плане жилища площадью около 40 кв.м. Внутри жилища обнаружены остатки отопительной системы типа кан. Кан был П-образный, двухканальный, с двумя очагами и трубой. В целом, конструкция кана схожа с подобными сооружениями, раскопанными на Ананьевском и Шайгинском городищах. В процессе исследования был обнаружен богатый керамический, вещевой и нумизматический материал, позволивший датировать верхний горизонт XШ веком.

При исследовании нижнего горизонта выявлены остатки здания дворцового типа, частично находившегося под более поздним жилищем верхнего горизонта. Эти остатки включают основания под базы колонн, протянувшиеся в три ряда с северо-запада на юго-восток, и огромное количество битой черепицы. Вызывает интерес конструкция фундаментов под базы колонн, представляющих собой ямы размером II5 x I30 см и глубиной 40-50 см, плотно забутованные диким камнем. Обнаружено 7 таких фундаментов, в том числе один со сползшей с него каменной базой. Из сопутствующего материала интересна черепица.

Полученные при раскопках I984 года на Краснояровской сопке материалы служат новым ценным источником для изучения культуры чжурчжэней в Приморье. Важнейшие результаты раскопок следующие:

I. Впервые раскопаны хорошо сохранившиеся остатки жилища с четко выраженными конструктивными особенностями, характерными для позднечжурчжэньского времени (начало XШ века).

2. Впервые археологическими раскопками установлено наличие на Краснояровском городище двух строительных горизонтов, свидетельствующих о длительности существования городища.

РУБЯЩЕЕ ОРУЖИЕ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

ШАВКУНОВ В.Э.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Рубящее оружие чжурчжэней, найденное на средневековых памятниках Приморского края, представлено клевцами (3 экземпляра), секирками (I2 экз.) и боевыми топорами (50 экз.).

Клевцы найдены двух вариантов - 2 больших (вес одного из них 330 граммов) и маленький, который примерно вдвое легче больших. Клевцы имели боевое назначение - один край у них был как у топоров и предназначался для рубящих действий, а противоположный имел вид четырехгранного штыря, которым можно было пробить голову даже защищенного шлемом противника.

Собственно топоры имели также боевое назначение, о чем свидетельствуют их размеры и вес. По этим параметрам они свободно укладываются в количественные рамки, выявленные А.Н.Кирпичниковым для древнерусских топоров и значительно уступают в этом хозяйственным топорам. Боевые топоры чжурчжэней можно разделить на пять видов - в зависимости от толщины обушка и формы проушины для рукоятки. I - остробушный с прямоугольной проушиной; 2 - тонкообушный с круглой проушиной; 3 - тонкообушный с прямоугольной проушиной; 4 - толстообушный с круглой проушиной; 5 - толстообушный с прямоугольной проушиной. Этот вид представлен двумя вариантами: большие и маленькие.

Топор первого вида отличается от всех остальных боевых топоров небрежностью выполнения. Топоры четвертого вида, как самые распространенные (около 72% всех топоров) и встречающиеся почти на всех чжурчжэньских памятниках, а также топоры пятого вида можно с уверенностью считать чжурчжэньскими. Топоры же второго и третьего видов можно отнести к чжурчжэням, но с некоторой долей сомнения.

Из всех топоров наибольший интерес представляют маленькие топоры пятого вида. Дело в том, что на всех трех топорах (и только на них), найденных на Шайгинском городище, на боковых гранях зубильцем выбиты знаки большого чжурчжэньского письма, причем сделали это разные люди. Этим надписи отличаются от клейм мастеров-изготовителей, которые делались при помощи специальных штампов. Создается впечатление исключительности этих топоров в среде рубящего оружия. Вероятно, такие топорики имели какое-то сакральное назначение или же, подобно булавам, были атрибутом военных командирских кругов определенного ранга.

Не менее интересны и чжурчжэньские секирки. Все они отличаются друг от друга вариациями размеров и отдельных частей еди..ой формы. При отсутствии ярко выделенного, удлиненного обушка, они имеют широкое, скошенное книзу лезвие, тонкую рукоятку и маленький (за исключением одной секири) вес, даже, в сравнении с другими видами рубящего оружия. Все это исключает возможность эффективного использования их в хозяйственных целях, но и препятствуют применению их в рукопашном бою. Зато использование секирок в качестве метательных топоров, на наш взгляд, будет вполне оправдано боевыми свойствами этого вида оружия.

Рубящее оружие чжурчжэней, по всей видимости, снабжалось

небольшими рукоятками и использовалось, как правило, конными воинами.

СТАРОВЕРЧЕСКАЯ ОБЩИНА с.ДЕРСУ СЕВЕРО-ВОСТОКА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

КАЛУГИН А.И.

Уссурийский государственный педагогический институт

Поселок основан в начале 20 века переселенцами из с.Петропавловка. Первые годы становления Советской власти проходили в жестокой борьбе с кулаками. В конце 30-х годов здесь был колхоз, который постоянно выполнял свои производственные планы. Многие староверы сражались на фронтах Великой Отечественной войны.После войны у них действовала радиостанция, собственная ГЭС, мельница.

В поселке две улицы. Живут они в рубленых домах, некоторые окна со ставнями. Возле каждого дома большой земельный участок. Летом они занимаются огородничеством, рыбной ловлей;зимой - охотой. Часто можно видеть самодельные изделия из различного материала, которые используются в повседневной жизни. Главенствующее положение в семье занимает мужчина.

В общину входят около 20 человек, во главе общины стоит человек, который хорошо читает, имеет хороший голос. Каждый член общины обязан приходить в моленную (комнату). Это специальный дом, в котором они собираются по субботам и перед религиозными праздниками. Основные праздники: масленица, пасха, рождество, крещение. После пасхи и рождества начинается мясоед, а перед ними был пост, который длится 7 недель. I9 января начинается праздник крещение, пьют чистую воду и душа человека как бы очищается от всех грехов, которые накопились за год. Один раз в году моют посуду в "чистой воде". Соблюдается обряд крещения,который происходит при рождении человека. Часто бывает, что в одной семье встречаются дети с одинаковым именем. То, что куплено в магазине обязательно очищается. Вода же становится чистой, если из колонки или колодца прокачать 40 ведер. Ходить в кино, смотреть телевизор, слушать радио, ходить в баню, кроме субботы, запрещается. Существует ряд обрядов по которым женщинам нельзя обре-

зать волосы, носить две косы до замужества, они обязаны всегда ходить в платке. Мужчинам нельзя брить бороды.

ОТРАЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В АНТРОПОНИМАХ НИВХСКОГО НАРОДА

МЕРКУШЕВ И.Л.

Хабаровский государственный институт культуры

В научном наследии В.К.Арсеньева получили освещение многие вопросы этнографии коренных жителей Дальнего Востока. Свою научную информацию он черпал из экспедиций, результаты которых имели большое значение для изучения этнокультурных процессов, имеющих место на Дальнем Востоке. Мы считаем, что семантический анализ антропонимов в известной мере является развитием Арсеньевских традиций изучения культуры этих народов, ибо антропонимы представляют серьезный научный интерес для реконструкции материальной и духовной культуры народа. В этом нас убеждают наблюдения над собственными именами нивхов - малой народности, живущей в нижнем течении реки Амур, в северной и центральной части о.Сахалин.

Методологической основой изучения всех общественных явлений служат труды К.Маркса и Ф.Энгельса, которые обосновали необходимость учета экологических факторов в историческом исследовании. Они писали:"Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны связаны; до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга." (К.Маркс и Ф.Энгельс, соч., т.3, с.16).

Основной хозяйственный уклад - рыболовство - развился у нивхов под влиянием экологических условий и географической среды. Ведущая роль рыболовства находит отражение в антропонимах, специфических для мира ихтиофагов, все помыслы и пожелания которых вращаются в кругу представлений, связанных с добычей рыбы. Основное значение для них имела проходная рыба кета и горбуша, которые, повинуясь биологическому инстинкту, в огромном количестве шли на нерест в многочисленные реки и речки. Вылавливая рыбу, нивхи вешали ее на чанги и такки - вешали для просушки околы. Такие мужские антропонимы, как: Кезгун-Ставящий сеть, Мыргинь-Заездок для ловли кеты и горбуши, рассказывают нам о способе лова.

Не менее важное значение в жизни этого народа имела охота. "Охотник по профессии, он весь свой ум, всю изобретательность, весь гений человеческий вложил в это звероловное искусство",- писал Л.Я.Штернберг. Об этом занятии информируют нас такие мужские антропонимы как: Рагун-Ставящий ловушку, Пуньдь-Лук, Ршыун-Поражающий стрелой.

В силу естественного разделения труда между полами на чисто физиологической основе собирательство было, как правило, женским занятием. Такие женские антропонимы, как: Серук-Собирающая, Кеук-Выстилающая обувь травой, говорят нам об этом древнем занятии.

Антропонимы свидетельствуют о том, что человек на данной ступени общественного развития обладал тонким восприятием прекрасного. Это доказывается такими женскими антропонимами, как: Тазгук-Орнамент, Мезгук-Сережки, мужским антропонимом Кивин-Тисняющий узоры по коже.

В религиозных целях для обмана и отпугивания злого духа в семьях, где болели и умирали дети, прибегали к наречению ребенка именем с негативным содержанием; это так называемые имена-обереги. Например, Кырин-Чесоточный, Кискун-Грязь, Мугун-Умерший. Какому же духу захочется взять душу ребенка с таким именем?

Сделаем вывод. Диапазон имен собственных обусловлен уровнем развития общества, которое диктует выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался. Все они социальны и историчны, так как отражают не только материальную, но и духовную культуру народа, характеризуют мировоззрение людей, их основной хозяйственный уклад. При помощи данного метода можно реконструировать многие ушедшие навсегда стороны быта и жизни людей, находившихся на стадии первобытнообщинного строя.

Антропонимы данного народа связаны со всеми сферами деятельности человека, они образовались на чисто местной основе, под влиянием географической среды и экологических условий обитания. Данные, полученные при помощи семантического анализа антропонимов, подтверждаются выводами археологических исследований, сог-

ласно которым нивхи занимали территорию Нижнего Амура и о. Сахалин с эпохи неолита. Анализ также проливает свет на проблему этногенеза нивхов и их этнической истории, дает основание придерживаться автохтонной теории по данному вопросу.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В.К.АРСЕНЬЕВА

ХАСАНОВА М.М.

Институт истории,археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Заведующая отделом истории Хабаровского краеведческого музея Н.А.Соболевская подготовила к публикации неизданные фольклорные записи В.К.Арсеньева. Эти материалы выбраны ею из полевых дневников выдающегося исследователя Дальнего Востока.

Произведения устного творчества дальневосточных народностей Владимир Клавдиевич записывал по-русски с использованием некоторых национальных слов, обозначающих те или иные реалии. Но это не снижает ценности текстов: ведь они легли на бумагу в начале века, когда вся богатейшая духовная культура аборигенов Дальнего Востока передавалась только устно. В.К.Арсеньев был одним из первых собирателей фольклора таких маленьких народов, как орачи и удэгейцы. Есть у него записи и по нанайскому фольклору и даже несколько топонимических преданий коряков.

При анализе неопубликованных фольклорных материалов Владимира Клавдиевича нелегко определить этническую принадлежность большинства текстов, записанных у орочей и удэгейцев. Причина состоит в том, что эти два народа не разграничивались в научной литературе того времени - оба они именовались орочи. Этому заблуждению какое-то время следовал и В.К.Арсеньев, что нашло отражение в его дневниках. В конце 20-х годов, однако, он уже проводил четкую грань между удэгейцами и орочами.[1]

Вторая трудность, встающая при анализе текстов,-их жанровое разграничение, т.к. в одном и том же произведении контаминируются элементы нескольких жанров. Например, героические сказания

I. Орочские сказки и мифы (сост. В.А.Аврорин, Е.П.Лебедева Новосибирск, 1966, с.9).

включают в себя мифологические и этиологические элементы.

В дневниках Владимира Клавдиевича оказалось довольно много топонимических и родовых преданий, несколько вариантов мифа сожительства человека и зверя и связанных с этим табу. Есть и сказки о животных, нередко они имеют этиологические концовки; есть героические сказания с элементами волшебства; есть шаманские мифы и предания.

Известно, что В.К. Арсеньев очень интенсивно работал в экспедициях. Он собирал все возможные сведения о природе, о древнем и современном населении края. Все полезное и интересное он старался фиксировать в полевых дневниках. Большой интерес у Владимира Клавдиевича вызывало устное творчество коренных народов Дальнего Востока. По тому, как записан тот или иной сюжет, можно судить о таланте рассказчика и о наличии времени у самого В.К.Арсеньева. Некоторые сказки и предания записаны очень схематично - буквально в нескольких фразах изложен сюжет, другие же записаны подробно и снабжены этнографическим комментарием. Встречаются и такие, которые сначала были изложены кратко, а затем более полно и красочно. По-видимому, это были те сюжеты, которые вызывали особый интерес у Владимира Клавдиевича.

Неопубликованные фольклорные материалы В.К.Арсеньева показывают нам широту и своеобразие устного творчества орочей, удэгейцев, нанайцев в начале века. Кроме того, они дают представление о напряженной фольклористической работе великого подвижника науки - В.К. Арсеньева.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Проблемы истории и краеведения.

Бутенин Н.А. Краеведческая работа в Уссурийском государственном педагогическом институте. 3 - 4

Горкавенко Н.Л. Историческое краеведение, становление и организация краеведческой работы на Советском Дальнем Востоке (1917 - 1970 гг.). 4 - 5

Данченков М.А. Библиография В.К. Арсеньева. 6 - 7

Демин Л.В. Исследование пещер В.К. Арсеньевым. 7 - 8

Зилова К.Н. Письма В.К. Арсеньева в Амурский музей краеведения. 8 - 9

Иващенко В.И. Укрепление промышленности Дальнего Востока руководящими хозяйственными и техническими кадрами из центральных промышленных районов страны в период первой пятилетки. 10 - 11

Ижко Ю.А. Новаторы-стахановцы на железнодорожном транспорте Дальнего Востока. 11-13

Кожевникова Л.А. Арсеньев В.К. и становление исторической науки на Дальнем Востоке. 13-15

Куцый В.Ю. Партизанское движение в Приморье в годы гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке (осень 1918 - - октябрь 1922 г.). 15-17

Лерман И.Н. Зарубежная критика об арсеньевских традициях в творчестве писателей современного Дальнего Востока. 18-20

Лихарев Д.В. Помощь советского народа вьетнамскому народу в 1960 - 1980 гг. 21-22

Пайчадзе С.А. Из истории выпуска собрания сочинений В.К.Арсеньева (по материалам архива ГО СССР). 23-24

Печерица В.Ф. Вопросы работы с партийными кадрами в историко--партийных трудах Дальневосточных авторов. 24-28

Пономарева А.А. Формирование естественно-научной коллекции Хабаровского краеведческого музея в 20-е, 30-е годы. 28-30

Ракитина Е.Г. Некоторые вопросы содержания и методики факультативных занятий по истории Приморского края. 30-32

Романовский В.К. Консолидация советского рабочего класса в 1921 - 1928 гг. 32-33

Садохина Т.И. Роль В.К.Арсеньева в формировании традиций краеведения на Дальнем Востоке. 33-35

Сергеев О.И. Участие казачества в охране дальневосточных рубежей России во второй половине XIX - начале XX века. 36-37

Симаков В.И. Роль Приамурского филиала Географического общества СССР в воспитании научной и художественной интеллигенции Хабаровского края. 38-39

Тарасова А.И. Забытая работа В.К.Арсеньева (Воспоминания о Н.И.Гродекове). 39-41

Газизов А.Р. Народное образование в Приморье в 20-30 гг.XX века. 41-42

Гончарук О.П. Возникновение и развитие г.Лесозаводска в предвоенные годы. 43-44

Дорогань Н.П. К истории большевистского подполья в г. Никольск - -Уссурийске (Дело Ф.Л.Чемернина). 44-46

Малиновская Е.А. Народное образование и просвещение в Приморье и на Дальнем Востоке в 1860-1917 гг. 46-47

Обухова Л.В. История развития п.Раздольное в конце XIX- начале XX века. 47-48

Сенцова Е.С. Антон Савельевич Олейник (Топорков). 48-49

II. Проблемы археологии и этнографии.

Бродянский Д.Л. Начальный период археологии Приморья. 51-52

Бродянский Д.Л.,Вишнякова В.В.,Медведев Ю.П. - первый профессиональный археолог Владивостока. 53

Буровский А.М. Опыт классификации скребков енисейского палеолита. 53-56

Дроздов Н.И. Проблемы корреляции палеолита Северной Азии. 56-57

Дьяков В.И. Арсеньев В.К. и проблема охраны памятников. 57-59

Кононенко Н.А. Классификация галечных орудий неолита в свете эксперементально-трассологических исследований. 59-61

Клюев Н.А. Развитие исследований в области археологии первобытного общества на юге Советского Дальнего Востока /1917-1953 гг./. 61-62

Кузнецов А.М. Некоторые проблемы археологии Дальнего Востока на рубеже плейстоцена и голоцена. 63-65

Кузнецов А.М., Мерзляков А.В. Археологические исследования в УГПИ. 65-67

Сапфиров Д.А. Историографические проблемы руднинской культуры. 68-70

Степанов С.Г. Некоторые проблемы неолита Приангарья. 70-72

Тарасенко В.Н. К проблеме мезолита Приморья. 72-73

Татарников В.А. Археологические памятники Северо-Восточного Приморья /по результатам разведки 1984 г./. 73-75

Шмыгун П.Е., Горюнова О.И. Мезолит Байкала. 75-76

Ямских А.Ф. Палеолитические стоянки юга Средней Сибири - геолого-геоморфологический аспект. 76-79

Акишев Алишер К. Урочище Тамгалы-святилище эпохи бронзы в Центральном Семиречье. 79-8I
Василевский А.А. Новые материалы по археологии Южного Сахалина. / К вопросу об истоках формирования охотской культуры/. 8I-83
Вострецов Ю.Е. Кроуновская культура: ландшафт, хозяйство, население. 83-85
Дьяков В.И. Новые памятники лидовской культуры. 85-86
Жущиховская И.С. О соотношении керамических традиций двух культур раннего железного века Приморья. 87-88
Леонтьев В.П. К истории Северного Приангарья в железном веке. 88-89
Семин П.Л. Комплекс эпохи бронзы памятника Усть-Зеркальная IУ. 89-90
Синельникова Е.Э. Комплекс эпохи бронзы на докерамическом памятнике Устиновка IУ. 90-9I
Татарников В.А. Древние шахты на р. Амгу. 9I-93
Чупахина Е.А. Ритуальный комплекс памятника Монастырка П. 93-95
Болдин В.И. Пахотные орудия бохайцев и чжурчжэней Приморья. 96-97
Васильев Ю.М. Покровская культура в Приамурье. 97-99
Дьякова О.В. О двух культурных пластах на юге Дальнего Востока СССР в конце I начале П тысячелетия. I00-I0I
Ермаков В.Е. Бронзовые ажурные поясные бляхи с поселения Синие скалы. I02-I03
Ермолаев А.В. К вопросу археологического изучения острогов Красноярского края. I03-I04
Ивлиев А.Л. Добыча и обработка металлов в империи Ляо /9I6-II25/. I04-I06
Певнов А.М. Чжурчжэньские названия стран света. I06-I08
Хорев В.А., Никитин Ю.Г. Новые археологические данные о Красноярском городище /раскопки 1984 г./. I08-I09
Шавкунов Э.В. Рубящее оружие чжурчжэней. I09-III
Малугин А.И. Староверческая община с. Дерсу Северо-Востока Приморского края. III-II2
Меркушев И.Л. Отражение материальной и духовной культуры в антропонимах нивхского народа. II2-II4
Хасанова М.М. Неопубликованные фольклорные материалы В.К.Арсеньева. II4-II5

ВД 04911

Сдано в печать 9.I0.85 г., Заказ №234, Объём 7,0 п.л., Тираж I00 экз.
Печатный цех ПСХИ, г.Уссурийск, Прим. края, ул.Раздольная,8.

Цена 30 коп.